
Олеся Руданская
Развод с драконом.
Ты был его другом

Олеся Руданская

Развод с драконом. Ты был его другом

«Автор»
2026

Руданская О.

Развод с драконом. Ты был его другом / О. Руданская — «Автор», 2026

Пятнадцать лет драконья гвардия носила плащи моей работы, а благодарности принимал муж. Я спорила с ним дома и улыбалась рядом с ним при дворе. Все надеялась, что однажды Арден сам назовет мое имя.Вместо этого я узнала имя его любовницы.В тридцать шесть я ушла из дома Сарнов с рабочими тетрадями и инструментами. Сняла тесную мастерскую, научилась считать деньги и впервые подписала договор сама. Заказчиком оказался Конрад Вейр — командующий пограничной крепостью, дракон и лучший друг моего бывшего мужа.Он знал цену моим плащам, не пытался говорить за меня и умел рассмешить, когда я забывала, что это вообще возможно.А потом признался: однажды он подтвердил ложь Ардена об измене. Именно после слов Конрада я просила прощения у мужа за свои подозрения.Теперь я знала, на что способен человек, которого начала ждать. Но еще не знала, можно ли снова поверить тому, кто сам рассказал о своем предательстве.

© Руданская О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Изнанка 5
Глава 2. Шесть серебряных марок 17
Глава 3. Свободный ход 28
Глава 4. Вторая тарелка 39
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Олеся Руданская
Развод с драконом. Ты был его другом

Глава 1. Изнанка

У парадного плаща моего мужа расползался шов под правой рукой.

Снаружи этого было не видно. Темно-синее сукно лежало ровно, серебряная застежка была отполирована, на спине поблескивал герб Сарнов. Портной, скорее всего, просто подтянул бы подкладку и отдал вещь обратно в гардеробную. Но я держала ладонь на изнанке и чувствовала, как под пальцами уходит напряжение жарной нити. Еще одно резкое движение плечом — и защитный контур разойдется.

До королевского приема оставалось чуть больше двух часов.

Я поддела кончиком иглы последний стежок и распустила все, что сделала утром. Шерстяная подкладка собралась у меня на коленях тяжелой складкой. Из открытого окна доносились голоса с хозяйственного двора: кто-то ругался из-за перепутанных сундуков, конюх требовал освободить проезд, у кухонной двери смеялись девушки. В доме готовились к празднику, и только в моей рабочей комнате пахло мокрым сукном, горячим утюгом и горьковатой солью, которой обрабатывали нить.

— Ты все еще с ним возишься?

Арден вошел без стука, как входил сюда последние пятнадцать лет. На нем была белая рубашка с расстегнутым воротом; волосы после купальни еще не высохли. Он остановился у стола, посмотрел на распоротый плащ и поморщился.

— Я думал, ты закончила.

— Закончила. А потом проверила, как он ведет себя, когда ты поднимаешь руку.

— При дворе я не собираюсь махать руками.

— Тебе придется снять плащ. И надеть. И, возможно, обнять какого-нибудь заслуженного генерала. Меня устроит, если после этого гвардия не узнает, что глава дома Сарнов ходит с дырой в защите.

Он рассмеялся и потянулся за одной из катушек, но я успела накрыть ее ладонью.

— Не трогай. Она размотана по счету.

— У тебя даже нити живут по уставу.

— Если бы это было так, они не расползались бы накануне приема.

Арден обошел стол и наклонился ко мне. Я почувствовала знакомый запах мыла с можжевельником, затем его губы коснулись моего виска. От неожиданного тепла в груди я подняла голову.

Арден был красив, но не холеной придворной красотой. В его движениях чувствовалась привычка к доспехам и к собственной силе. На висках появились первые седые волоски, возле левого глаза легла морщинка. Когда-то я любила находить ее пальцем, пока он лежал рядом и рассказывал о службе.

— Ты сегодня почти не спала, — сказал он. — У тебя под глазами тени.

— Ночью я переделывала воротник для третьего полка.

— Надо было отдать швеям.

— Швеи сделали основу. Воротник с защитой я должна была проверить сама.

— В следующий раз не бери столько на себя.

Он сказал это ласково и уже потянулся к стоявшему на подносе чайнику. Налил мне чашку, бросил в нее половину ложки сахара — ровно столько, сколько я любила, — поставил подальше от нитей. Маленькое внимание, на которое он не тратил ни минуты размышлений.

Я следила за привычным движением его рук и думала, удастся ли когда-нибудь объяснить ему, почему мой труд нельзя просто поручить кому-нибудь еще. Объясняла много раз. Арден кивал, соглашался, иногда даже сердился за меня на нерадивых работников. А через неделю опять спрашивал, почему я не отдыхаю, пока другие шьют.

— Смотритель арсеналов сегодня будет? — спросила я.

— Разумеется. Он сам просил показать новую партию.

— Я хотела бы поговорить с ним о плечевом переходе. Для зимних плащей его придется изменить. У меня есть образцы, и можно сразу согласовать испытание.

Арден поставил чайник.

— Лидия, это прием, а не цеховой совет.

— Я не собиралась раскладывать чертежи на обеденном столе. Мне нужен короткий разговор.

— Я сам все передам.

Я пропустила иглу через слой шерсти и почувствовала, что нить легла неровно. Пришлось вытянуть ее обратно.

— В прошлый раз ты передал, что можно увеличить ширину полотна. А я просила изменить направление плетения. Это разные вещи.

— В прошлый раз договор все-таки заключили.

— С исправлениями, которые мы потом делали за свой счет.

Арден вздохнул, точно речь шла о семейной привычке, от которой он устал, но готов терпеть.

— Хорошо. Если найдется подходящая минута, я вас познакомлю. Только давай не будем обсуждать цену при всех. На переговорах легко сказать лишнее.

— Я не собираюсь вести переговоры о цене.

— Вот и отлично.

Он коснулся пальцем моего подбородка, заставляя поднять лицо.

— Ты ведь придешь сегодня не в рабочем фартуке? Я попросил Рему приготовить зеленое платье. В нем ты прекрасна.

Я хотела сказать, что вовсе не рассчитывала идти в фартуке. Вместо этого спросила:

— Арден, в новой описи гвардейского снаряжения снова стоит только твое имя?

Он убрал руку.

— Опись оформляется на поставщика. Ты это знаешь.

— Я хочу, чтобы в приложении указали мастера плетения. Не для двора. Для тех, кому придется чинить вещи, если со мной что-нибудь случится.

— Мы уже говорили об этом. После зимней поставки приведем бумаги в порядок.

— Ты говорил то же самое весной.

— Весной мы едва успевали к сроку.

Он произнес это с такой усталой убедительностью, что я на миг ощутила себя мелочной. В самом деле, сегодня ему предстоял большой прием, от которого зависели новые договоры. А я стояла на своем из-за строчки в приложении.

— После зимней поставки, — повторил Арден и улыбнулся. — Договорились?

Я кивнула, хотя не помнила, когда именно соглашалась.

Он взял со стола старый обрезок плотной шерсти, украшенный кривоватым узором, и покрутил в пальцах.

— Ты до сих пор хранишь это чудовище?

— Положи. Оно для меня полезнее половины твоих новых плащей.

— Первый наш опыт. Я тогда чуть не задохнулся под капюшоном.

— Ты сам попросил, чтобы лицо было закрыто целиком.

— Потому что ты уверяла меня, будто я выдержу огонь в любом положении.

— Я уверяла, что выдержит ткань. Про способность дышать под ней речи не было.

Он засмеялся уже громко, и я не удержалась от улыбки. Первый плащ мы испытывали во дворе маленькой мастерской моего отца. Арден тогда еще не командовал гвардией. Он сам держал деревянный щит, а после пробы выскочил из-под нелепого капюшона с красными ушами и такой важной физиономией, будто только что победил в битве. Мы оба смеялись до слез.

В тот вечер он пообещал: однажды весь Равель будет носить мои плащи.

Когда именно его обещание превратилось в рассказ о заслугах дома Сарнов, я не заметила.

— Мне пора одеваться, — сказал Арден, возвращая обрезок на стол. — Не засиживайся. На приеме хочу танцевать с собственной женой, а не смотреть, как она спит у колонны.

Он ушел. Я доплела плечевой переход, закрыла контур и только после этого позволила себе выпить остывший чай.

Когда Рема пришла за мной, плащ висел на стойке. Я подняла деревянную руку манекена поворотным рычагом, потянула ткань у подмышки, проверила нить еще раз. Напряжение распределялось равномерно. Арден мог хоть весь вечер обнимать генералов.

— Госпожа, — с порога сказала Рема, — я уже дважды отправляла за вами.

— Теперь можно идти.

— Ваше платье ждет. А господин велел передать, что карету подадут через четверть часа.

Рема забрала плащ, стараясь не касаться внутреннего шва. За восемь лет в нашем доме она успела выучить достаточно, чтобы не гладить защитное плетение горячим утюгом и не втыкать в него булавки. В этом ее осторожности было больше пользы, чем в похвалах некоторых придворных.

Я вымыла руки. Под ногтями остался темный след от соли, который не взяло мыло. Пришлось счищать его щеткой.

Зеленое платье оказалось из тяжелого шелка. На лифе светились мелкие жемчужины, рукава заканчивались тонким кружевом. Когда Рема затянула шнуровку, я невольно расправила плечи. Для работы такая одежда была мучением, но Арден не ошибался: цвет мне шел.

— Поворотитесь, госпожа, — попросила Рема, опуская подол.

Я повернулась. В зеркале отражалась нарядная женщина, чьей жизни при дворе многие позавидовали бы. В тридцать шесть я еще умела выглядеть молодой на празднике, у меня были хорошие украшения, красивое платье и муж, которого охотно приглашали к королевскому столу. Я даже не собиралась оспаривать, что все это мне нравилось.

Просто, глядя на себя, я почему-то подумала не о жемчуге, а о том, что под ногтем правой руки все еще сидит крупинка темной соли.

Во дворце пахло воском, цветами и раскаленным камнем. Большой зал открывали только в дни торжественных приемов; под высоким сводом держалось тепло от жаровен, хотя снаружи вечер был прохладным. У входа стояла гвардия в парадных плащах, и я невольно посмотрела на плечи ближайшего офицера.

Силуэт сидел правильно. У следующего плащ слегка тянуло назад: застежку, вероятно, закрепили слишком высоко. Пальцы сами потянулись к застежке; я вовремя остановилась.

Арден заметил мой взгляд.

— Даже здесь работаешь?

— У второго слева нужно переставить крючок. Он не сможет быстро запахнуть плащ на ходу.

— Завтра скажешь начальнику гардеробной. Сегодня побудь со мной.

Он предложил руку, и я взяла ее. На глазах у двора мы всегда двигались легко, словно репетировали это с первого дня брака. Наверное, отчасти так и было: я знала, когда ему нужно сделать шаг вперед, а когда следует отойти, чтобы кто-нибудь важный мог обратиться к нему без препятствий.

В первые годы мне нравилось учиться придворным обычаям. Арден знакомил меня с людьми, объяснял, кому нельзя доверять обещания, а с кем можно позволить себе посмеяться над скучной речью. Потом он перестал объяснять: решил, что я и так все знаю. А я привыкла слушать разговоры вполуха, прикидывая, хватит ли в мастерской ткани на очередную партию.

Мы едва успели поздороваться с хозяевами приема, как к Ардену подошел смотритель королевских арсеналов. Коренастый мужчина с круглым лицом и невзрачным темным камзолом. Я видела его прежде, но нас ни разу не представляли друг другу по-настоящему.

— Сарн, — сказал он, пожимая мужу руку. — Ваши плащи на весенних учениях произвели впечатление. Особенно облегченные. Мне уже трижды докладывали, что люди в них не задыхаются.

— Нам пришлось немало повозиться с подкладкой, — ответил Арден.

Он всегда хорошо умел говорить о работе. В его устах и самое скучное уточнение превращалось в занятный рассказ о трудностях и находчивости.

— Да, я видел новые пробы. Для зимней партии сохраните тот же рисунок?

Мне представилась наконец обещанная минута.

— Если позволите, — сказала я, — плечевое соединение лучше изменить. На морозе верхний слой становится жестче, и обычный поворот руки уже дает лишнюю нагрузку. Я подготовила два варианта.

Смотритель перевел на меня глаза. Не снисходительно, скорее с удивлением, как будто до этой минуты не знал, что я могу говорить о плащах не только как о наряде.

— Вы участвуете в разработке, госпожа Сарн?

— Лидия у нас главный знаток неудобных застежек, — с улыбкой вмешался Арден. — Если бы не она, половина гвардии ходила бы с незастегнутыми воротниками. Что до зимнего плетения, мы проведем необходимые испытания и пришлем вам заключение.

Он говорил доброжелательно, не повышая голоса, и даже чуть сжал мою руку. Смотритель кивнул, уже повернувшись к нему.

— Тогда жду бумаг после праздника.

Я могла возразить, назвать число проведенных проб, потребовать выслушать меня. Но вокруг стояли люди, которые ожидали совсем другого разговора. Арден обещал познакомить нас, он это сделал. Чтобы продолжить, пришлось бы перебить собственного мужа на глазах у всех.

Я промолчала.

Через несколько минут смотрителя увели обсуждать отправку военных обозов. Арден повернулся ко мне и, не переставая улыбаться кому-то за моим плечом, тихо сказал:

— Лида, мы же условились. Подходящая минута, не более.

— Я успела произнести только два предложения.

— И оба о том, что прежний вариант не годится. Ты понимаешь, как это выглядит для заказчика?

— Он не годится для зимы. Я не сказала, что он плох вообще.

— Для тебя разница очевидна. Для человека, который подписывает договор на сотни плащей, — не всегда. Не стоит пугать его на празднике.

Мне хотелось напомнить о переговорах прошлой весной. Вместо этого я высвободила руку, чтобы взять бокал с подноса.

— Ты прав. Сегодня праздник.

Он внимательно посмотрел на меня, будто собирался уточнить, нет ли за ответом обиды. Но к нам подошли новые знакомые, и разговор сам собой закончился.

Позже нас пригласили к высоким окнам, где разложили несколько образцов военного снаряжения. У парадных плащей толпились офицеры и их дамы. Одна пожилая баронесса коснулась серебристой вышивки на воротнике.

— Какая чудесная работа! Сразу видно, что над ней трудились лучшие придворные мастера.

— Жена сама выбирала рисунок, — сказал Арден.

Это была правда, если под рисунком понимать внешний орнамент. Я действительно добилась, чтобы серебряные завитки на воротнике не мешали застежке. Но защитное плетение внутри не имело ничего общего с украшением.

— Ах, дорогая, — обратилась ко мне баронесса, — какое изящное занятие для женщины с вашим положением. Я тоже в молодости вышивала платки, пока не испортила глаза.

— Моя работа немного отличается, — начала я.

— Конечно, конечно. Сейчас уже так много новых приспособлений! Моя внучка купила иглу, которая сама делает петли. Представляете?

Я представила. Подобную иглу у нас год назад забраковали после того, как она затянула жарную нить узлом. Объяснять это баронессе не было никакого смысла.

Она продолжала рассказывать о внучке, а я смотрела на плащ. На подкладке, возле плеча, оставалась маленькая складка, которую я всегда укладывала в одну сторону. По ней я узнавала вещи даже без подписи.

Когда-то мне казалось, что узнавать будут и меня.

— Лидия, наконец-то я вас нашла.

Я обернулась. Нерея Даль остановилась рядом с легкой улыбкой, чуть придерживая край рукава. Ее темно-рыжие волосы были собраны в гладкую прическу; у виска сияла крохотная серьга с зеленым камнем. На Нерее было серо-голубое платье без лишних украшений, и оттого она выглядела моложе многих дам, которые изо всех сил старались этого добиться.

Мы встречались на приемах не первый год. После смерти мужа Нерея какое-то время почти не появлялась при дворе, потом вернулась и довольно быстро восстановила прежний круг знакомств. С Арденом она беседовала часто: его интересовали ее связи среди поставщиков, ее — гвардейские заказы и жизнь гарнизонов. По крайней мере, так я это понимала.

— Вы прекрасно выглядите, — сказала она. — Этот цвет вам очень идет.

— Благодарю. И вам.

Нерея слегка склонила голову, принимая комплимент, и посмотрела на выставленные плащи.

— Арден рассказывал, сколько хлопот доставила последняя партия. Не представляю, как вы все успеваете.

— Мы много работали.

— Он говорит, что вы засиживаетесь допоздна. Вам бы поберечь себя.

Я хотела ответить, что Арден тоже любит давать мне такие советы. Но рядом с Нереей вдруг ощутила странную неловкость. Она говорила обо мне с осведомленностью человека, который бывает в нашем доме, хотя я не припоминала ее визитов.

Наверное, муж действительно много рассказывал ей о работе. В этом не было ничего необычного: Арден обсуждал дела со всем светом.

— Сегодня ему есть чем гордиться, — продолжила Нерея.

— Да.

— И вам тоже, разумеется.

Она произнесла это немного поспешно, будто добавила необходимую вежливость уже после основной мысли. Я не стала искать в ее тоне скрытого смысла. Нерея улыбнулась еще раз и отошла к дамам у окна.

Музыканты начали вальс. Я отыскала Ардена глазами. Он разговаривал у противоположной стены с одним из командиров. Поймав мой взгляд, поднял бокал и сделал знак, что скоро освободится.

Я подошла к ближайшему столику и положила ладонь на его холодный мраморный край. Под кружевом манжеты кожа на запястье была красной: утром я слишком долго держала туго натянутую нить. Жжение появилось только теперь, когда руки наконец оказались свободны.

В прошлом году я просила Ардена разрешить мне поставить в описях собственное цеховое клеймо. Он ответил, что фамилии дома достаточно. На прошлой неделе, когда я попросила внести мои расчеты в приложение к будущему договору, он поцеловал меня в лоб и сказал, что мы решим все зимой. Такие разговоры заканчивались мирно, и я каждый раз уходила с обещанием.

Больше всего меня раздражало не то, что Арден спорил. Меня раздражало, что в нашем доме спорить по-настоящему стало почти невозможно: всякое несогласие он умел превратить в мелкую неприятность, которую двое разумных людей не должны портить себе вечер.

Я поставила пустой бокал. Хотелось найти мужа и договориться хотя бы об одном — о встрече со смотрителем завтра, без свидетелей и в праздничных одеждах. Если зимний заказ заключат на старых условиях, исправлять бумаги будет поздно.

Арден уже вышел из зала.

Я спросила у дворцового распорядителя, не видел ли он господина Сарна. Тот указал на боковую галерею.

— Господин проходил к малым кабинетам, госпожа. Вероятно, к управляющему приемом.

Галерея была прохладнее большого зала. На стенах висели охотничьи полотна, между колоннами тянулись скамьи с жесткими бархатными подушками. Из открытого окна доносился шум фонтана. Здесь никто не смеялся и не обмахивался веером, только два молодых лакея несли пустой поднос.

Я прошла до последнего поворота, решая, не лучше ли вернуться. За одной из дверей говорили.

Голос Ардена я узнала сразу. Второй принадлежал Нерее.

— Ты мог хотя бы предупредить, — говорила она. — Я оказалась рядом с ней совершенно случайно.

— Я не назначал вам встречу у плащей.

— Не смешно, Арден.

В их голосах было раздражение, слишком личное для разговора о заказах. Я остановилась. Дверь малого кабинета была неплотно прикрыта; сквозь узкую щель падала полоска света.

Нужно было уйти. Я это понимала и все же медлила, пытаясь услышать обычную фразу, которая объяснит тон Нереи, сердитый ответ мужа, эту нелепую тайную беседу на приеме.

— Вечером ты опять скажешь, что не можешь приехать, — произнесла она.

Арден ответил тише, и я разобрала только последние слова:

— ...потому что у меня есть обязательства.

— Перед ней?

Я толкнула дверь прежде, чем успела решить, зачем это делаю.

Они стояли возле письменного стола. Арден обнимал Нерею за талию, она держала ладонь у него на груди. Они только что целовались: я увидела, как муж отстранился от ее лица, а она, будто не веря в происходящее, продолжала тянуться к нему. На столе лежала ее перчатка. Вторая была зажата в пальцах Ардена.

Никто не отскочил с возмущенным вопросом. Сначала оба просто смотрели на меня.

Потом Нерея медленно опустила руку.

— Лидия...

— Не нужно, — сказала я.

Голос звучал ровно. Мне даже показалось, что я слишком вежлива для происходящего, но другого голоса не находилось.

Арден положил перчатку на стол.

— Я думал, ты в зале.

Эти слова оказались первым, что он придумал сказать жене.

— Я и была в зале.

Он провел ладонью по волосам и посмотрел на дверь за моей спиной. Не испуганно — скорее прикидывая, слышал ли нас кто-нибудь в коридоре.

— Давай поговорим дома.

— Хорошо. Только сначала мне нужен ответ. Давно?

Арден помолчал. Нерея смотрела себе под ноги.

— Лидия, не здесь.

— Давно?

— С прошлой осени, — ответил он наконец.

В комнате было тихо. Из зала далеко позади нас донеслась музыка, потом короткая волна аплодисментов. Я слышала, как за окном падает вода из каменной чаши фонтана, и почему-то подумала, что на подоле моего платья зацепилась незаметная нитка.

С прошлой осени.

Я вспомнила бессонную ночь в начале зимы. Арден тогда вернулся к утру, усталый и раздраженный, сказал, что провел время с Конрадом и обсуждал снабжение Серого Брода. Я не поверила. Позже, встретив Конрада в нашем доме, неловко спросила, действительно ли они просидели вместе до рассвета. Он ответил, что да, и даже назвал причину задержки. Мне стало стыдно за подозрения. Вечером я извинилась перед мужем.

Сейчас воспоминание возникло так отчетливо, что я увидела комнату, где мы тогда сидели, и серебряную чашку на столе перед Конрадом.

— Значит, это не случайность, — сказала я.

Арден потер переносицу.

— Нет.

Нерея наконец подняла голову.

— Я уйду. Вам нужно поговорить.

Она взяла перчатку и обошла меня, стараясь не задеть платье. Я не остановила ее. Уже у порога Нерея на мгновение замерла, словно собиралась что-то добавить, но потом вышла.

Арден закрыл за ней дверь.

— Я не хотел, чтобы ты узнала так.

— А как ты хотел?

Он не ответил сразу. Я заметила, что на его воротнике перекосилась застежка. Утром, когда он торопился, я всегда поправляла ее одним движением. Мне пришлось опустить руки, чтобы не сделать этого сейчас.

— Между нами с Нереей все сложнее, чем выглядит, — сказал муж.

— Я не спрашивала, насколько у вас сложно.

— Ты спросила, как я хотел сказать. Я собирался с ней все закончить.

— Сегодня?

— Не передергивай.

— Тогда когда?

Арден прошел к окну, на секунду задержался возле него, вернулся. Он делал так, когда пытался успокоиться перед трудным разговором с начальством. В своем доме он обычно не нуждался в этой привычке.

— Лидия, мы пятнадцать лет женаты. Я не собираюсь разрушать нашу жизнь из-за связи, которая ничего не меняет.

Я прислонилась к спинке кресла. Зеленый шелк натянулся на груди, и мне пришлось ослабить плечи, чтобы вдохнуть.

— Для тебя ничего не меняет?

— Я люблю тебя. У нас общий дом, работа, все эти годы. Я не оставлял тебя и не собираюсь.

— Но ты оставлял меня ждать по ночам.

— Я ошибся. Что ты хочешь от меня услышать?

Я действительно не знала. Наверное, в другом разговоре мне хотелось бы услышать множество вещей. Что он не имел права так поступать. Что понимает, как выглядит почти год лжи. Что ему стыдно. Но сейчас, когда он стоял передо мной с перекошенной застежкой, я поняла только одно: он готов обсуждать мое огорчение, лишь бы ничего в его жизни не пришлось менять.

— Завтра я начну развод, — сказала я.

Он замер, а потом удивленно выдохнул.

— Не говори глупостей.

— Я не говорю глупостей.

— Ты расстроена. Это естественно. Но такие решения не принимают в коридорах дворца.

— Мы в кабинете.

Арден резко отодвинул кресло и тут же остановился, будто услышал, как нелепо прозвучал наш спор.

— Ты понимаешь, что будет после развода? С нашим положением, с мастерской, с поставками? Ты всю жизнь прожила в доме Сарнов.

— Не всю. Первые двадцать один год я жила без тебя.

— Ты тогда была девочкой. Сейчас все устроено иначе.

— Я знаю.

Он подошел ближе. На лице появилось то выражение, с которым он обычно убеждал меня не тревожиться о сложных делах. Когда-то оно успокаивало. Теперь я видела, сколько решений он уже принял за нас обоих.

— Вернемся домой, — сказал Арден. — Завтра поговорим спокойно. Если хочешь, я прекращу встречаться с Нереей. Обещаю.

— Если хочу?

Он нахмурился.

— Конечно, ты хочешь. Я просто пытаюсь...

— Почти год ты встречался с ней. Сегодня я застала вас вместе, и теперь ты предлагаешь мне решить, прекратишь ли ты это. Не нужно отдавать мне еще и эту ответственность.

— Чего ты добиваешься? Чтобы я упал перед тобой на колени?

— Нет, Арден. Я хочу уехать.

Он смотрел на меня долго и недоверчиво. Затем отступил, словно решил дать мне немного времени на привычную вспышку обиды.

— Я вызову карету. Но дома мы все обсудим.

— Карету я вызову сама.

Взялась за ручку двери и только тогда заметила, как дрожат пальцы. До этого дрожь будто существовала отдельно от меня, где-то под шелком платья, под кожей. Я удержала ручку крепче, открыла дверь и вышла в галерею.

У дальней стены лакей поправлял погасшую свечу. Он поклонился мне как ни в чем не бывало. Я прошла мимо, не ускоряя шага.

У входа в большой зал музыка сменилась, и пары начали новый танец. Передо мной открылись свет, голоса, знакомые лица. Я вдруг поняла, что, вернувшись туда, должна буду подойти к знакомым, улыбнуться, объяснить отсутствие мужа и дотанцевать вечер. Это было вполне возможно. Я умела так делать.

Вместо этого я попросила подать мою накидку.

До дома я добралась раньше Ардена. Слуга у дверей удивился, увидев меня одну, но не стал задавать вопросов. В холле горели две лампы. На мраморном полу еще лежали длинные полосы света от фонарей кареты.

— Госпожа? — Рема вышла из боковой комнаты с коробкой для головных украшений. — Что-то случилось? Вам нездоровится?

— Позови, пожалуйста, кого-нибудь помочь с дорожным сундуком. Небольшим, который стоит в моей гардеробной. И попроси кучера не распрягать лошадей.

Она посмотрела на меня внимательнее.

— Господин едет следом?

— Не знаю.

Мне не хотелось втягивать Рему в разговор, после которого ей придется выбирать, кому отвечать. Она служила в этом доме, и ее заработок зависел от Ардена.

— Я уеду на несколько дней, — сказала я. — Ты можешь помочь мне с вещами, но никому не нужно объяснять причины.

— Хорошо, госпожа.

Она не спросила больше ничего.

В своей комнате я первым делом сняла серьги. Застежка одной зацепилась за волос, и я потратила на нее столько времени, что пришла в ярость. Пришлось сесть перед зеркалом, распутать прядь и осторожно освободить металл. На туалетном столике стоял флакон духов, который Арден подарил мне на прошлую годовщину. Я сдвинула его, чтобы положить серьги в шкатулку, и вдруг вспомнила, как мы выбирали этот запах в лавке у северных ворот. Он тогда насмешливо заявил, что дорогие духи должны пахнуть чем-то более значительным, чем сушеные травы.

На следующее утро он вернулся в лавку один и купил флакон.

Я закрыла шкатулку. Не взяла ее с собой.

Платья висели в шкафу в два ряда. Большую часть я не надевала месяцами. Рема принесла сундук, и мы молча сложили туда белье, два простых платья, теплую шаль, дорожные башмаки и несколько вещей для ежедневного ухода. Зеленое платье я сняла последним. Рема повесила его на спинку кресла, осторожно расправив шлейф.

— Куда отправить сундук? — спросила она.

— Пока со мной. Остальное заберу позже, когда договорюсь с Арденом.

Возможно, после развода мне не достанется даже эта кровать, подумала я, глядя на широкое резное изголовье. Мы заказывали его вместе. Я выбирала узор, Арден — дерево. За пятнадцать лет он стал таким привычным, что я перестала замечать работу краснодеревщика.

— Рема, — сказала я, — на Соляной улице еще есть гостевой дом для приезжих мастеров? Недалеко от старой красильни.

— «Три окна»? Есть, госпожа. Моя сестра приезжала весной, останавливалась там. Хозяйка строгая, но комнаты чистые.

— Хорошо. Поеду туда.

— Я заверну вам ужин.

Она произнесла это так спокойно, что у меня впервые за весь вечер защипало глаза. Я с трудом кивнула и попросила принести небольшой саквояж.

Мои рабочие тетради хранились не в спальне. За ними пришлось пройти через коридор в мастерскую. Дверь была прикрыта, но я услышала, как от сквозняка тихо постукивает оконная створка.

Все осталось точно так, как я бросила перед приемом. Катушки стояли по размеру, на столе лежали ножницы, пара образцов была приколота к раме. Парадный плащ Ардена уже унесли в гардеробную. На его месте висела пробная заготовка, которую я собиралась закончить завтра.

Я зажгла вторую лампу и открыла нижний ящик стола. Там хранились тетради с пометками об испытаниях, старые мерки, листы с расчетами расхода нити. Первую книгу я начала еще до свадьбы; на обложке стояла моя девичья фамилия. Следующие были подписаны уже как Сарн, но почерк не менялся. Некоторые страницы я переписывала по три раза, если после опыта обнаруживала ошибку.

Я сложила записи в кожаную папку. Взяла малые инструменты, отцовский челнок, измерительную ленту с выцветшими делениями. Большие рамы и запасы ткани остались на местах: их принадлежность придется разбирать отдельно. Ничего из общего имущества я не хотела увозить тайком.

На дальнем краю стола лежал первый пробный плащ с нелепым капюшоном. Арден сегодня держал его в руках. Я протянула пальцы к грубой шерсти, отогнула подкладку и посмотрела на старые неровные стежки. Здесь я ошиблась в угле соединения и израсходовала вдвое больше нити, чем требовалось. Мой отец тогда долго ругался, а Арден говорил, что получилась неприступная палатка для одного человека.

У меня было столько хороших воспоминаний о нем, что я не представляла, куда их теперь девать.

Я оставила плащ на столе. Забрать его можно было позже.

— Лидия?

Арден стоял в дверях, еще в парадном камзоле. Судя по тому, как он дышал, поднялся быстро. На груди поблескивал знак гвардии. Застежку воротника он успел поправить сам.

Он увидел открытую папку и саквояж у моих ног.

— Ты действительно собираешь вещи.

— Да.

— Я просил тебя подождать до утра.

— А я сказала, что уеду.

Арден вошел и остановился возле рабочего стола. Его взгляд скользнул по катушкам, тетрадям, пустой стойке для плаща.

— Куда?

— В гостевой дом на Соляной улице.

— Ты жена главы дома Сарнов. Неужели собираешься ночевать там, где останавливаются приезжие подмастерья?

— Я тоже когда-то была приезжей мастерицей.

— Лида, перестань. Это унизительно.

— Для кого?

Он стиснул челюсти. Потом сел на край стола, как делал часто, когда приходил поговорить со мной во время работы. Раньше я каждый раз просила его убрать бедро с разложенных выкроек. Сейчас они были свернуты, и он ничего не мял.

— Ты хочешь развода, — сказал Арден. — Хорошо. Допустим, я соглашусь. Но что дальше? Мастерская работает по договорам дома. Поставщики знают меня. Работники получают плату из нашего счета. Ты не можешь просто открыть дверь на другой улице и продолжить то же самое.

— Я и не рассчитываю продолжить то же самое.

— Тогда чем ты будешь жить?

Вопрос оказался труднее, чем я ожидала. Я уже открыла рот, собираясь назвать сумму, помещение и будущих заказчиков, — и поняла, что пока не могу назвать ничего из этого.

— Работой, — сказала я после паузы. — Сначала небольшой.

— Ты привыкла создавать вещи. Ты не представляешь, сколько стоит продать их, добиться оплаты, заставить мастерских поставлять вовремя.

— Я знаю, что не представляю всего.

Арден как будто обрадовался моей уступке.

— Вот видишь. Ничего дурного нет в том, чтобы разделить обязанности, как мы делали всегда. Ты занимаешься тем, что у тебя получается лучше всего, а я беру на себя остальное. Если тебе не хватает признания, мы можем иначе оформить бумаги. Ты говорила о клейме — я попрошу его внести. Я серьезно.

Он предлагал именно то, о чем я просила весной. И даже не понимал, что сейчас это звучит иначе.

— Почему сегодня ты готов это сделать? — спросила я.

— Потому что вижу, как тебе важно.

— Я говорила об этом почти год.

— Тогда мы не стояли на пороге развода.

Он произнес последнюю фразу и сам замолчал.

Я опустила папку на стол. На ее кожаной обложке осталась отметина от старого ожога, полученная во время испытания, которое мы проводили вместе еще до его первого большого договора. Арден потянулся к папке и развернул ее так, чтобы увидеть надпись.

— Не надо забирать все записи сразу, — сказал он. — Завтра люди начнут готовить зимнюю партию. Им понадобятся твои расчеты.

— Я оставлю копии рабочих инструкций. То, что необходимо для уже начатых изделий, они получат. Но личные тетради возьму.

— Эти разработки делались на средства дома.

— Первые — на деньги моего отца. Остальные мы сможем разобрать с поверенными. Я ничего не уничтожаю и не прячу.

Арден убрал руку. В его лице появилось деловое выражение, которое я столько раз видела на переговорах.

— Если мы начнем делить чертежи, материалы, права на поставки, это будет тяжелый процесс. Для нас обоих.

— Наверное.

— Ты даже не представляешь, как люди воспользуются нашей ссорой.

— Я представляю достаточно, чтобы не оставаться только из-за этого.

Он встал.

— Ты ведешь себя так, будто мы все эти годы были чужими. Я работал ради нашего дома. Ты сама хотела заниматься плетением, а не ездить по складам и торговаться с интендантами.

— Хотела. Я не отнимаю у тебя того, что ты сделал.

— Но собираешься отнять все остальное.

— Арден, я собираюсь уйти от мужчины, который почти год спал с другой женщиной и возвращался ко мне домой.

Это были первые прямые слова, которые я произнесла об их связи. Он отвел глаза.

На мгновение мне показалось, что сейчас мы наконец поговорим о самом главном. Не о договорах и положении, а о нас. Он вспомнит, как мы жили раньше, спросит, чего мне не хватало, скажет, чего не хватало ему. Я даже была готова услышать что-то обидное, если бы он говорил искренне.

— Я закончу это, — сказал Арден. — Ты не увидишь ее рядом со мной.

Я поняла, что он все еще предлагает мне удобную видимость.

— Не нужно решать это для меня. Я подам прошение о разводе. Остальное обсудят поверенные.

Он долго смотрел на меня. Затем тихо спросил:

— И пятнадцать лет ничего не стоят?

У меня перед глазами опять возник маленький двор отцовской мастерской, кривой капюшон и молодой Арден, который смеялся, красный от собственного жара. Я любила его тогда. И много лет после этого любила тоже.

— Стоят, — сказала я. — Поэтому я не хочу, чтобы ты просил меня сделать вид, будто ничего не случилось.

Он шагнул к двери, остановился и, не оборачиваясь, произнес:

— Ты можешь остаться в гостевых комнатах, пока мы не договоримся. Я не стану тебе мешать.

Это было первое предложение за вечер, в котором он не пытался оставить все по-прежнему.

— Спасибо. Но сегодня я уеду.

Он вышел. Я выждала немного, чтобы шаги стихли, и закрыла папку.

Рема ждала у нижней лестницы с дорожным плащом и свертком еды. На ее лице было видно, что она слышала голоса, хотя слов, вероятно, не разобрала.

— Кучер готов, госпожа.

— Спасибо. Остальное пока оставь как есть. Я пришлю за вещами, когда пойму, куда их перевозить.

— Я прослежу, чтобы ничего не трогали.

Она помогла мне надеть плащ, и я неожиданно рассердилась на себя: даже покидая дом, я позволяла другому человеку застегивать на мне воротник. Но Рема всего лишь придерживала ткань, чтобы застежка не зацепила волосы. Это было обычное доброе движение, и сердиться на него не следовало.

Я обняла ее. За все годы службы мы почти никогда не обнимались, но она ответила без колебания.

— Поешьте хоть немного, — шепнула Рема.

На крыльце пахло сырой землей. Дождь прошел, пока мы были во дворце, и фонари отражались в темных плитах. Кучер уложил сундук, принял саквояж, помог мне подняться в карету. Папку с записями я оставила при себе.

В окне второго этажа горел свет. За ним находилась наша спальня; я знала, где стоит кресло, на котором осталось зеленое платье, и с какой стороны кровати Арден положит снятый камзол. Все было знакомо до мельчайших подробностей. Мне хотелось выйти из кареты, подняться наверх и лечь спать, потому что усталость была сильнее страха и обиды.

Кучер осторожно постучал по дверце.

— На Соляную улицу, госпожа?

Я заставила себя ответить.

— Да. В «Три окна».

Лошади тронулись. Сундук глухо стукнул за перегородкой, колесо попало в колею, и я прижала к себе папку, чтобы не выронить ее на пол.

У меня не было мастерской, работников или нового договора. Я даже не знала, дадут ли мне в гостевом доме комнату на ночь без предварительного письма. Все, что я могла сделать утром, начиналось с нескольких имен в записной книжке и адреса ремесленного цеха.

Когда карета повернула на узкую улицу, я открыла папку и на ощупь нашла первую тетрадь. На потертом переплете еще можно было прочесть выцветшие буквы: «Лидия Верес».

Я провела по ним большим пальцем, закрыла папку и впервые за весь вечер позволила себе заплакать.

Глава 2. Шесть серебряных марок

В гостевом доме «Три окна» я прожила двадцать два дня и за это время узнала, сколько в Равеле стоит чистая простыня, сколько дров требуется, чтобы высушить промокший плащ, и как трудно бывает убедить хозяйку не присылать мне завтрак.

— Вы опять уходите без еды, госпожа Верес, — сказала она, когда я спустилась с лестницы.

Я остановилась, придерживая под мышкой папку с бумагами.

— Я поем в городе, госпожа Берт.

— В городе вы вчера купили булку и вернулись с ней вечером. Она до сих пор лежит на столе.

— Вы проверяете мои булки?

— Мне за комнату платят вперед, а не за то, чтобы вы свалились на лестнице.

Она поставила передо мной тарелку с горячей кашей. В дверях кухни показалась девочка лет двенадцати, посмотрела на меня с любопытством и спряталась обратно. Я сняла перчатки, села и послушно взялась за ложку.

В прежнем доме завтрак приносили на подносе. Я могла забыть о нем, оставить остывать до полудня, потом велеть подогреть. Теперь меня отчитывала чужая женщина в сером переднике, и возразить ей было почти нечего. Каша оказалась вкусной.

— Сегодня подпишут? — спросила госпожа Берт.

На папке лежала бумага с двумя печатями. Я передвинула ее ближе к себе.

— Сегодня выдадут свидетельство. Если писарь не найдет еще какой-нибудь ошибки в фамилии.

— Ваша фамилия короткая. От нее трудно ошибиться.

— В первый раз он записал «Вереск». Во второй спрашивал, не хочу ли я оставить мужнину.

Хозяйка поджала губы. Она ни разу не поинтересовалась подробностями развода, хотя в гостевом доме их, разумеется, обсуждали. В Равеле трудно было не узнать, что жена начальника столичной гвардии ушла от мужа прямо с королевского приема. Кучер привез меня в шелковом платье, переодетом в спешке под дорожный плащ, и с папкой, которую я не выпускала из рук. Такого рассказа хватило бы на неделю разговоров даже без имени Ардена.

— Верес хорошая фамилия, — сказала госпожа Берт. — У нас в переулке когда-то была ткачиха Верес. Не родственница вам?

— Моя тетка. Она умерла лет десять назад.

— А, та самая. Рука у нее была тяжелая. Зато ткань выходила ровная.

Я улыбнулась и доела кашу. Хозяйка завернула мне в бумагу две еще теплые лепешки, взяла плату за лишнюю неделю и лишь после этого позволила выйти.

На улице пахло мокрой брусчаткой. У тележки с углем ругались двое возчиков, а напротив булочной юноша пытался поднять с мостовой рассыпавшиеся яблоки. Равель начинал день без всякого отношения к моим бедам. В первые дни после ухода меня это возмущало. Теперь помогало: если яблоки требовалось собрать, а хлеб испечь, значит, и мне пора заняться тем, что можно сделать руками.

Свидетельство выдали после полудня. Писарь прочел мое имя вслух, старательно и немного торжественно, будто совершал великодушный поступок.

— Лидия Верес. Брак с Арденом Сарном расторгнут по обоюдному прошению. Денежная доля определена отдельным соглашением. Личное имущество, указанное в описи, передается вам. Претензии по торговым договорам в рамках этого решения не рассматриваются.

Последнее он произнес особенно четко.

— Я вижу, — ответила я. — И не прошу их рассматривать.

Соглашение мы подписали неделю назад. Арден не спорил из-за приданого, инструментов и денег, предусмотренных нашим брачным договором. Сумма была приличной, пока я не начинала считать помещение, мебель, запас ткани, соли, нитей и хотя бы одного работника. На неоплаченные поставки дома Сарнов я не претендовала; о том, кому принадлежат отдельные разработки, нам еще предстояло говорить с поверенными. Я настояла, чтобы рабочие тетради, принесенные из отцовской мастерской, остались у меня, а копии инструкций для уже заключенных заказов получила прежняя мастерская.

Арден согласился быстрее, чем ожидал мой поверенный. Поверенный назвал это редкой разумностью супругов. Я подумала, что бывший муж просто не верит в мою способность прожить без него больше нескольких месяцев.

— Поставьте подпись здесь, — сказал писарь.

Я взяла перо. Рука по привычке вывела первую букву фамилии Сарн. Пришлось остановиться, зачеркнуть и попросить чистый лист.

Писарь страдальчески посмотрел на испорченную бумагу, но принял новый бланк и не сказал ни слова.

Со второго раза получилось правильно.

Из канцелярии я вышла не с чувством свободы, а с болью в пальцах. Все утро сжимала папку так крепко, что по краю ладони осталась красная полоса. На площади меня обогнала карета с гербом дома Сарнов. Я машинально сделала шаг к обочине, как прежде, когда ждала мужа после заседания. Внутри сидел незнакомый чиновник. Карета не остановилась.

Я постояла, глядя ей вслед, затем свернула к ремесленному цеху.

На цеховой двери висела новая табличка с перечнем пошлин. За восстановление старой записи теперь брали меньше, чем за новую, но только если со дня последнего свидетельства не прошло двадцати лет. Моему было пятнадцать. В конторе пахло воском, мокрой шерстью и пылью от книг.

Пожилой цеховой смотритель долго изучал мои бумаги. На прежнем свидетельстве стояла подпись моего отца; на втором листе, выданном уже после свадьбы, значилось, что Лидия Сарн исполняет обязанности старшего мастера при производстве дома Сарнов.

— Вы собираетесь вести торговлю отдельно? — спросил он.

— Да.

— Заказы принимать на свое имя?

— На свое.

Он перелистнул бумаги.

— И печать потребуется отдельная. Домашняя клейменая нить по старой записи не годится, если вы намерены ставить ее на изделиях другой мастерской.

Я знала это. Все равно было неприятно услышать, сколько вещей, которые казались моими, на бумаге принадлежало не мне.

— Закажу печать. Пока буду подписывать образцы от руки.

Смотритель поднял глаза.

— По жарному плетению вам понадобится стол с раздвижной рамой. Есть у вас такой?

— Пока нет. Начну с ремонта.

Он задержал взгляд на моей фамилии. За пятнадцать лет я бывала здесь десятки раз, приносила образцы, присутствовала при проверках, но обычно рядом стоял управляющий Ардена. Теперь никто не объяснял за меня, что требуется.

— Мастеров, способных вести собственный контур, у нас мало, — сказал смотритель. — Но заказчик должен видеть исправность изделия, а не имя его мужа. Или бывшего мужа. Вы это понимаете?

— Хорошо понимаю.

Он неожиданно улыбнулся.

— Тогда предъявите первую работу к осмотру. Бумагу получите к вечеру.

Я заплатила пошлину. Остаток денег в кошельке был уже заметно легче утреннего, хотя еще ничего не заработала.

Помещение нашлось на соседней улице, в доме, где прежде чинили парусину для речных барж. Внизу располагалась большая комната с двумя окнами во двор, наверху — две маленькие жилые. В углу стояла печь с широким боковым отверстием, куда помещали мокрые ткани для просушки. Ее давно не топили: на кирпичах белели следы старой соли. Пол скрипел, но был крепким. Крыша, по словам хозяина, не текла.

— А вода? — спросила я.

— Колонка во дворе.

— Мне нужно будет промывать нить и сушить обработанную ткань. Если вода зимой замерзнет, это станет проблемой.

Хозяин, мужчина с обветренным лицом и вечно красными ушами, показал на заднюю стену.

— В кирпичах оставлена труба от соседней прачечной. Можно вывести тепло, если договоритесь с ними. Но за кладку платите сами.

— А замок на внешней двери?

Он попробовал ключ и с усилием повернул его.

— Запирается.

— После третьей попытки.

— Госпожа, за такую плату новых дверей не ставят.

Он назвал сумму аренды на четыре месяца вперед. Я подсчитала, сколько останется после цеховой пошлины, залога за помещение и платы за печь. Сумма пугала, но не так сильно, как необходимость вернуться в гостевой дом еще на месяц и продолжать платить за комнату, не работая.

— Замок вы меняете за свой счет, — сказала я. — Я оплачиваю половину кладки, если хозяева прачечной согласятся. И в договоре будет записано, что я могу ставить раму и прибивать полки.

Он почесал подбородок.

— Рама сколько места займет?

— Не больше двух столов, если повезет.

— А если не повезет?

— Тогда я сначала измерю комнату.

Хозяин посмеялся и уступил по замку. Плату за четыре месяца пришлось внести сразу, зато меня не могли выселить среди заказов, решив сдать место кому-нибудь богаче.

Вечером, когда я впервые открыла дверь своим ключом, комната показалась слишком большой. В доме Ардена моя рабочая всегда была тесной. За стенами трудились швеи, по коридору ходили слуги, кто-то приносил ткани, кто-то спрашивал о завтрашней отправке. Здесь собственные шаги отдавались от голого пола. Я поставила папку на подоконник и услышала, как на дворе соседка вытряхивает коврик.

Первое время пришлось работать за двумя узкими столами, найденными у торговца старой мебелью. Их ножки были разной высоты. Там, где они соприкасались, я подкладывала обрезок кожи, а длинный край плаща перекатывала с одного стола на другой. От постоянных наклонов болела спина. На соседней улице, в лавке подержанных ремесленных инструментов, стояла широкая раздвижная рама с натяжными валиками. На ней можно было держать целый плащ ровно и не искать под складками уже прошитый участок.

Я возвращалась смотреть на нее трижды.

На четвертый торговец узнал меня.

— Госпожа, она от ваших взглядов дешевле не станет.

— Я проверяю, не забрали ли ее.

— Если заберут, поставлю другую. Похуже и подороже.

— Вы умеете утешить покупателя.

— Это профессия.

Он показал, как поворачиваются валики. Один заедал на половине оборота, но ось была целой. Починить можно. Цена все равно равнялась почти месяцу необходимых расходов мастерской. Я записала ее на обороте квитанции и спрятала бумагу в тетрадь.

Оставалось найти заработок.

Первые посетители заходили из любопытства. Одна дама попросила показать кружевные воротники. Мужчина в дорожном плаще спросил, не делаю ли я праздничные ленты с огненными узорами. Девушка из соседней прачечной принесла прорванную подкладку и сразу предупредила, что за магию платить не станет. Я зашила ей разрыв за медяки и получила взамен обещание доставлять горячую воду, когда понадобится.

Настоящая заказчица пришла в пятницу. Ее звали Эльда. Она возила лекарственные травы к северным переправам и держала собственный небольшой обоз. На ней были крепкие башмаки, надетые поверх шерстяных чулок, и короткая куртка, пахнувшая сушеным чабрецом.

— Мне сказали, здесь починяют защиту, — произнесла она, не снимая дорожной сумки.

— Покажите вещь.

Эльда разложила на столе плащ. С первого взгляда он казался целым, только у левого бока ткань была темнее. Я отогнула подкладку и увидела выгоревший отрезок нити. Когда провела по нему пальцем, он раскрошился, оставив на коже серую пыль.

— Огонь задел сбоку? — спросила я.

— На переправе дракон присел на берегу и пугнул лошадей. Не нарочно, может быть. Но хорошего в этом мало.

— Сам плащ вас укрыл?

— От первого жара. А потом я бросилась за мерином и едва не утонула с ним в реке. Мне сказали, вы можете просто заплести прореху.

«Просто» в подобных случаях всегда означало, что заказчик надеется на невысокую цену.

Я осмотрела обожженный участок, отмерила пальцами длину повреждения и назвала шесть серебряных марок. Эльда сразу согласилась и достала кошелек.

— Вернусь через два дня. К утру третьего мне надо ехать.

Когда дверь за ней закрылась, я еще несколько минут стояла возле стола, довольная собой. Первый заказ под собственным именем, деньги за работу вперед, понятный срок. Я даже записала его в новую книгу особо аккуратным почерком.

Утром выяснилось, что назвать цену было самой легкой частью.

Я распустила наружную кромку и обнаружила, что огонь повредил больше, чем показывало темное пятно. Нить уходила под боковую вставку и рассыпалась там при первом прикосновении. Чтобы восстановить замкнутый путь, нужно было открыть соединение до пояса, снять подкладку, заменить длинный участок, затем проверить напряжение всего бока. На это требовалось не два часа, как я предположила, а почти день, если работать быстро.

Шесть марок уже лежали в ящике. На подходящую нить и соль уходило четыре.

Я попыталась устроиться за узкими столами, задела локтем чашку с водой и промочила выкройку. Пришлось оттирать пол и снова раскладывать плащ. К полудню у меня болела шея, а восстановленного контура все еще не было.

Именно в этот момент пришла Тамара Кель.

Женщину прислал цеховой смотритель, которому я оставила запрос о сдельной помощнице. Тамара была крепко сложена, носила темное платье без украшений, а волосы убирала под плотный платок. Она осмотрела помещение без всякого выражения на лице.

— Здесь раньше парусину чинили, — сказала она.

— Да.

— Воду далеко таскать.

— Во дворе колонка.

— И ступенька у двери высокая. С рулоном на плече неудобно.

— Я уже убедилась.

Она подошла к столу, подняла край плаща и заглянула под подкладку.

— Чужая работа?

— Да. Нужно восстановить боковой контур.

— Чего от меня хотите?

— Разобрать шов, подготовить подкладку, потом собрать все обратно. Магическую нить я уложу сама.

— За сколько?

Я назвала цену, которой, по моим расчетам, должно было хватить на несколько часов ее труда.

Тамара посмотрела на меня с удивлением, но не обиделась.

— Вы не знаете, сколько там распарывать, — сказала она.

— Я видела повреждение.

— Снаружи видели. Снимите подкладку до конца — тогда и считайте. И четыре длинных шва там придется делать вручную: машинка соберет старую шерсть волной.

Она провела пальцем вдоль боковой вставки, точно показывая ученице место будущего разреза.

— Я возьму три марки за эту часть работы. Если обнаружится новый разрыв, сядем и пересчитаем.

— Три? Я получила за весь заказ шесть.

— Так это вы получили, не я.

Мне стало жарко. Я хотела возразить, что в доме Сарнов за подобную работу платили меньше, но вовремя вспомнила, кто считал заработок там. В ведомостях я видела общую сумму расходов, а не жалованье каждой швеи.

Тамара не торопила меня. Она сняла перчатки, положила их рядом с сумкой и ждала, пока я соображу, что сказать.

— Значит, мне останется меньше, чем я рассчитывала, — признала я.

— Может, и вовсе не останется. Но шов от этого короче не станет.

Я рассмеялась от неожиданности. Тамара чуть приподняла брови, словно теперь уже не понимала меня.

— Вы правы. Три марки. Если успеем к завтрашнему вечеру, доплачу за спешку.

— Не обещайте лишнего, пока не посчитали.

Она аккуратно расправила плащ на свободной половине стола, вынула из сумки собственные ножницы и маленький наперсток. Через четверть часа работа уже шла, а я впервые за долгое время не пыталась делать все одна.

За день мы успели открыть поврежденный участок, вытянуть остатки старой нити и установить, что подкладка почти цела. К вечеру Тамара ушла домой, оставив мне точные отметки на ткани. Я просидела еще два часа, вплетая новый защитный путь и выравнивая натяжение.

Наутро она пришла вовремя, как обещала. Мы закончили до возвращения Эльды и проверили контур малой пробой на краевом контрольном участке. Нить держала напряжение ровно, подкладка не нагревалась сверх допустимого. Я заменила контрольный стежок, на кото-

ром после пробы выступило темное пятно. Принимать сильный удар в мастерской никто не собирался: для этого требовался отдельный образец, который после испытания восстанавливали.

Эльда разглядывала починенный плащ с такой обстоятельностью, будто выбирала лошадь.

— Следов почти не видно, — сказала она. — И застежка лежит лучше. Вы ее меняли?

— Нет. Пока открывали бок, подтянули подкладку. Но застежка старая. Ее лучше заменить до зимы.

— Сколько возьмете?

Я едва не назвала цену сразу. Тамара, стоявшая возле печи, даже не обернулась, но я видела, как замерла ее рука с деревянной лопаткой.

— Сначала нужно посмотреть, в каком состоянии крепление, — ответила я. — Тогда скажу точно.

Эльда одобрительно кивнула.

— Правильно. Я за такие обещания однажды заплатила дважды. А если мне нужно будет еще два плаща для людей из обоза?

— Принесите. Я осмотрю оба и составлю отдельный расчет.

Когда она ушла, Тамара закрыла печную дверцу и выпрямилась.

— Уже лучше.

— По-моему, заказ получился убыточным.

— Для первого урока не самый дорогой. Вы заплатили всем, никого не обманули и еще получили постоянную покупательницу.

Я открыла книгу расходов. После оплаты нити, соли, работы Тамары и дров у меня оставалось так мало, что о собственном заработке говорить не приходилось. Если бы я прибавила к расчету аренду и время, потраченное на испытания, вышла бы явная потеря.

— В следующий раз нужно считать и работу мастера, — сказала Тамара.

— Я ее считала.

— Тогда надо считать подороже.

Она улыбнулась краешком рта. Я впервые подумала, что мне повезло: человек, который мог заметить ошибку и прямо о ней сказать, был полезнее тех, кто привык со мной соглашаться.

Мы договорились, что Тамара будет приходить на отдельные заказы и заранее сообщать цену своей части работы. Постоянное жалованье я пока не могла обещать. Она согласилась, предварительно заглянув в книгу и проверив, что за уже сделанное я рассчиталась полностью.

— Не обижайтесь, — сказала она, убирая деньги. — Я однажды три месяца работала у человека, который все обещал заплатить после большого договора. Договор у него случился. Денег у меня нет до сих пор.

— Не обижаюсь.

— Вот и ладно. Когда появятся новые вещи — присылайте мальчишку из прачечной. Он знает, где меня искать.

После ее ухода мастерская снова стихла. Я убрала плащ со стола, закрыла книгу и отправилась за хлебом. На обратном пути прошла мимо лавки старых инструментов. Широкая рама стояла у окна, и торговец, увидев меня, насмешливо поднял два пальца, словно напоминал цену. Я показала ему пустые ладони и пошла дальше.

В тот вечер я впервые переночевала над мастерской. Хозяйка гостевого дома помогла нанять возчика, и все мои пожитки уместились в сундук, два мешка и папку. Вещи, оставшиеся у Ардена, пока негде было разложить. Меня ждала узкая кровать под скошенным потолком, таз для умывания и один стул. Из окна было видно крыши прачечной и сушившиеся на веревке простыни.

Спала я плохо. Печь внизу остывала и щелкала кирпичами. На дворе поздно ругались из-за телеги, а потом кто-то долго кашлял за стеной. Проснувшись утром, я обнаружила, что смотрю на собственную руку: на безымянном пальце оставалась светлая полоса от кольца.

Кольцо я сняла перед походом в канцелярию. Оно лежало в закрытом отделении саквояжа. Не хотелось его выбрасывать или продавать. Вещь не была виновата в том, что мне больше некуда ее носить.

Я надела рабочее платье, спустилась вниз и затопила печь. За окном светлело. На столе лежала новая книга заказов; в ней была всего одна завершенная запись. Я переписала расходы так, чтобы не забыть ни одной мелочи, и стала составлять цену на два возможных плаща для обоза Эльды.

Когда в дверь постучали, я решила, что снова пришла соседка за горячей водой.

— Открыто! — крикнула я, не поднимая головы.

Дверь не поддалась. Я поднялась, вспомнила про новый тугой замок и пошла отпирать. За порогом стоял Конрад Вейр.

Он был без парадных знаков, в темном дорожном камзоле, тяжелых сапогах и с плащом, перекинутым через левую руку. Высокий настолько, что ему пришлось чуть наклонить голову под притолокой. На висках серебрилась ранняя седина. Лицо у него было усталым после дороги, нос когда-то неправильно сросся, от чего выражение казалось суровее, чем голос.

— Лидия, — сказал он. — Мне сообщили в цехе, что ты теперь работаешь здесь. Не помешал?

Мы не виделись с того самого приема. Тогда Конрад был на границе; Арден сказал мне об этом еще за ужином, и я удивилась, что мне теперь вспомнилась такая ненужная подробность.

— Если тебе нужен праздничный воротник, придется подождать, — ответила я. — Пока я занимаюсь вещами попроще.

Он посмотрел на голые столы, печь и свертки ткани, не задерживая взгляд на пустоте, которую я сама слишком хорошо замечала.

— Мне нужен плащ. Точнее, несколько. Но сначала этот.

Он поднял старую вещь на руке. Тяжелая темно-серая шерсть местами выцвела до бурого, на краю капюшона были заметны новые швы, а возле плеча — узкая заплата из ткани чуть другого оттенка. Я узнала плащ до того, как он развернул его.

— Ты до сих пор его носишь?

— Иногда приходится.

— Конрад, ему двенадцать лет.

— Тринадцать. Ты закончила его перед моим первым отъездом в Серый Брод.

Я протянула руку. Он без слов передал плащ, и под его весом мои пальцы чуть опустились. Вещь была не просто старая. Ее много раз чинили, заменяли истертые участки, переплетали защитный путь. На внутренней стороне воротника я нашла маленькую метку — три стежка, сделанных когда-то красной нитью, чтобы отличать партию для пограничников от столичной.

— Тут дважды меняли горловину, — сказала я. — И один раз все правое плечо.

— Да.

— Ты сдавал его на полное восстановление после пробоя?

— Дважды. Первый раз еще к твоим людям, когда ты сама проверяла все старые вещи. Второй — прошлой зимой к цеховому мастеру в крепости. Он выдал акт. Могу привезти.

Я провела пальцем по строчке, сделанной другими руками. Нить легла хорошо, но возле проймы немного стянула ткань. Внутренний контур пока выглядел целым.

— Ты мог давно заказать новый.

— Заказывал. Этот оставил для себя.

— Из упрямства?

Конрад чуть приподнял бровь.

— Из привычки. И из благодарности к человеку, который придумал его плечи.

Я подняла глаза. Мою фамилию он произнес без паузы, словно она всегда была чем-то само собой разумеющимся. За все годы знакомства мы почти никогда не оставались вдвоем, если не считать коротких разговоров в доме Ардена. Конрад приходил к нам с донесениями или перед дальним отъездом; обычно садился возле камина, выпивал чашку чая и уезжал. Я помнила, что он не любит сладкое, и что в холодную погоду у него иногда плохо сгибаются пальцы правой руки. Он знал обо мне больше, чем большинство людей при дворе, но мы не были близки.

— Какому человеку? — спросила я, чтобы не выдать смущения.

— Лидии Верес. Твоего имени мне достаточно?

Я не сразу ответила. Утром я произнесла свою фамилию вслух всего дважды, одному поставщику и прачке. От Конрада она прозвучала неожиданно правильно.

— Для начала достаточно, — сказала я. — Проходи. Только столы не толкай. Один держится на куске кожи.

Он осторожно переступил порог, осмотрелся еще раз и снял перчатки. На правой руке у него действительно оставался старый ожог — блестящая полоса кожи от запястья к предплечью. Когда-то я видела его издали, но теперь он оказался совсем рядом, над краем моего стола.

Я разложила плащ, расправила плечи и просунула ладонь под подкладку. Конрад не мешал. Лишь когда я стала поднимать рукав, поддержал ткань, чтобы она не скользила с края.

— Что с ним случилось на этот раз?

— Ничего, к счастью. На вороте перестало сходиться натяжение. Мой мастер сказал, что восстановить можно, но перед новой зимней службой лучше показать тебе.

— Вашему мастеру я бы доверяла больше, если бы он не пришил подкладку слишком близко к защитной нити. Он, наверное, пытался убрать складку.

— Уберет, когда скажешь как.

— Я сама напишу ему, что исправить. Он неплохо сделал остальное.

Конрад провел пальцем по старой заплате.

— Эта вещь однажды спасла меня на перевале. Не моего дракона, — добавил он, заметив мое выражение, — а меня и человека, которого я вытаскивал из-под рухнувшего настила. Пришлось закрыть нас обоих. По краям прожгло, но мы успели добраться до камней.

Я помнила донесение о том пожаре. Тогда в мастерскую прислали несколько сработавших плащей, и я почти неделю восстанавливала контуры. Но мне не говорили, чей был этот. На мятой ткани возле воротника обнаружился странный старый шов: я сама сделала его, торопясь перед отправкой партии.

— Я тогда ругалась на эту посадку, — сказала я. — Она слишком сильно тянула назад. Исправила только на следующих образцах.

— А я привык, как сидит.

— Это не довод в пользу неудобной вещи.

— Согласен. Поэтому и принес к мастеру.

От его ответа мне стало смешно, и я отступила на шаг, чтобы посмотреть на плащ целиком. Конрад не спешил. Он явно пришел не только за ремонтом, но и не собирался делать из своего появления событие, ради которого я должна бросить все остальное.

— Ты говорил о нескольких плащах, — напомнила я.

Он достал из внутреннего кармана сложенный лист и положил на стол, придерживая пальцем, чтобы бумага не свернулась.

— Крепости нужны двенадцать легких плащей для пеших дозоров. Не для строевых караулов. Люди ходят вдоль восточных оврагов, часто ночью. Им нужно иметь возможность быстро

накрыть раненого, а потом снять вещь, не выворачивая себе плечо. Наши обычные зимние тяжелы для этого.

— Шерсть какого веса?

— Я принес образец. Гарт записал требования по подкладке и застежкам.

Конрад вынул еще один сверток, не глядя на цену ткани, и подвинул его ко мне. Я поняла, что он действительно готовился к разговору. Вряд ли захотел бы так подробно обсуждать крой ради утешения жены старого друга.

Я развернула отрез. Ткань была крепкой, с хорошей плотной кромкой. Легче той, что использовали для гвардейских плащей.

— На таком полотне обычный замкнутый узор будет стягивать плечо, — сказала я. — Придется дать запас под рукой. Иначе после намокания он начнет тянуть рукав.

— Мы как раз хотим избежать этого. У людей обмороженные пальцы. Застежку нужно открывать в перчатках, а если у раненого повреждена рука, снимать плащ одной здоровой.

— Значит, крючки с наружным язычком, не пуговицы. Но язычок может цепляться за ремень.

— Ремень у них проходит ниже.

— Не у всех. Покажи, как носите снаряжение.

Он снял собственный пояс, положил его поверх стола и показал, как к нему крепится нож и сумка с сигнальными пластинами. Я сдвинула ткань, примеряя будущую застежку к положению ремня. На минуту мы оба забыли, что находимся в моей только что открытой мастерской и что всего месяц назад я еще жила у Ардена. Работа была понятнее многих других вещей.

Потом Конрад спросил:

— Сможешь сделать?

Прежде я ответила бы, что, конечно, сможем. Подразумевала бы людей мужа, его склады, большой общий счет и швей, которых у меня было достаточно. Сейчас внизу стояли два стола, наверху лежали мои пожитки, а Тамара согласилась приходить только по отдельному договору.

— Разработать образец — да, — сказала я. — На всю партию мне понадобятся помощницы, материал и время. Сначала я должна проверить, как поведет себя нить на такой шерсти. Возможно, потребуется другой переход на плечах. Пока мы этого не знаем.

— Я не прошу обещать срок до испытания.

— Тогда мне нужно шесть дней на два образца. Один — для проверки движения и влажности, второй — для полной огневой пробы. Оба будут оплачены отдельно, даже если один не пройдет.

Он кивнул.

— Звучит разумно.

— Стоимость я сейчас посчитаю.

Я раскрыла новую книгу на чистой странице и положила рядом лист с требованиями Гарта. Я начала считать привычные расходы: материал, соль, жарную нить, работу Тамары и время на подбор узора. Я уже почти назвала сумму, но вспомнила плащ Эльды и то, как спокойно Тамара предложила мне считать собственный труд.

Пришлось взять карандаш и записать все по порядку.

Конрад отошел к окну и предоставил мне время. Через несколько минут он спросил, где здесь можно налить воды, и я показала ему кувшин у печи. Он наполнил обе чашки, одну поставил рядом со мной, другую взял себе. Не стал заглядывать в книгу или помогать с расчетами, хотя мог бы: его интендант вел снабжение нескольких сотен людей.

Мне пришлось дважды исправлять цифры. Увидев первую сумму, я оглядела голые стены: трудно было поверить, что работа в такой комнате может столько стоить. Потом я заметила, что не учла новый инструмент для растяжки плечевого участка. Карандаш затупился,

и я принялась срезать древесину ножом, пока Конрад не протянул мне другой, вынутый из дорожной сумки.

— Пользуйся. Мне он сегодня не понадобится.

— Ты принес с собой запасной карандаш?

— Гарт составляет длинные списки. Один я обычно теряю.

— У тебя целая крепость. Можно поручить кому-нибудь хранить карандаши.

— Гарт и так считает, что я слишком много поручаю другим. Теперь еще велю охранять карандаш.

Его невозмутимость меня рассмешила. Я вернулась к расчетам.

Когда сумма была готова, я назвала ее и объяснила, из чего она состоит. Конрад слушал внимательно, уточнил цену нити и спросил, входит ли повторная примерка в работу. Я ответила, что входит одна, а изменения по новым требованиям оплачиваются отдельно.

— А срок изготовления двенадцати после утверждения образца? — спросил он.

— Четыре недели, если аванс будет выплачен сразу после приемки образца. За месяц я успею нанять швей, подготовить основу и закончить плетение. Но цена партии будет зависеть от того, какой вариант пройдет испытание. До этого я не подпишу окончательную сумму.

Конрад посмотрел на заполненную страницу. Затем подвинул ко мне лист с печатью крепости.

— Я вправе заказать опытную работу в пределах этой суммы. Гарт оформит расход сегодня, а завтра пришлет подтверждение и деньги. Подпиши предложение, если условия тебя устраивают.

Я прочла бумагу от начала до конца. Там было написано, что плата за образцы не зависит от заключения договора на основную партию, если работа выполнена в согласованном объеме и представлена к испытаниям. Отдельной строкой указывалось, что право на разработанный узор остается за мастером, а крепость получает право использовать оплаченные изделия и техническую инструкцию к ним.

Я перечитала эту строчку.

— Гарт сам ее добавил?

— Я попросил. У нас однажды спорили из-за чертежей седельного мастера. Не хочу повторения.

— Ты мог обратиться в мастерскую Ардена. У него еще действуют прежние договоры.

— Они поставляют зимнюю партию. А мне нужны легкие дозорные плащи. И нужен человек, который умеет соединить защиту на подвижном плече. Если бы я не знал, что это твоя работа, прислал бы обычный запрос в цех. Но я знаю.

Он сказал это без пафоса. Мне не предложили милость. Пришли за работой, которую я могла выполнить лучше других, и принесли бумагу, где это было написано прямо.

— Что скажет Арден? — спросила я.

Конрад не отвел взгляда.

— Не знаю. О поставках крепости я ему сообщать не обязан. Если спросит — объясню.

Я попробовала представить их разговор. Два мужчины, дружившие со времен первой службы, привыкшие доверять друг другу в бою, за одним столом обсуждают мой новый договор. Раньше я ждала бы, что Арден решит вопрос так, как считает нужным, а Конрад поддержит его. Сейчас передо мной сидел человек, который принес отдельный заказ и не попросил бывшего мужа дать на него разрешение.

Это еще ничего не говорило о его отношении ко мне вне работы. Но для начала мне хватало именно такого разговора.

Я поставила подпись: «Лидия Верес».

Конрад посмотрел, как я вывела последние буквы, и аккуратно сложил свой экземпляр листа.

— Гарт будет здесь завтра до полудня. Ему нужны размеры стола для испытаний и сведения о расходе ткани. Можешь сказать все ему. Со мной встречаться необязательно.

— С тобой тоже можно говорить о ткани.

— В таком случае я приеду, когда будут готовы образцы. Надо будет проверить, насколько удобно двигаться в них с оружием.

— Тебе придется терпеть примерку.

— Я умею стоять неподвижно.

Я посмотрела на его плечи, на широкий старый плащ и на едва заметный ожог возле манжеты.

— Вот в этом я как раз сомневаюсь. Мне нужен человек, который не будет стоять неподвижно. Иначе опять сошьем вещь, хорошую только для парада.

Он впервые за весь разговор рассмеялся. Глухой, короткий смех оказался неожиданно приятным. Я помнила Конрада гораздо более сдержанным. Возможно, дома у Ардена он просто редко имел повод смеяться.

Он забрал пояс, надел перчатки и направился к двери. У порога остановился.

— Старый плащ можешь оставить до следующего приезда? Хочу знать, что там с воротом.

— Оставляй. Я передам тебе расчет отдельно. И если контур окажется истощенным, в прежнем виде я его не отдам.

— Не сомневался.

Я проводила его до двери. На улице телега прачечной перегородила проезд, возчик махал руками, пытаясь заставить лошадь отступить, и Конраду пришлось повернуться боком, чтобы пройти между оглоблей и стеной. Он остановился, помог возчику освободить колесо от камня и только потом сел на своего коня.

Я закрыла дверь не сразу. Смотрела, как он уезжает по узкой улице, пригибаясь под низкой веткой. У него не было свиты и знамен, только пыльная дорожная сумка, потемневшие от дождя сапоги и тяжелый старый плащ, оставшийся у меня на столе.

Когда он исчез за поворотом, я вернулась в мастерскую и снова раскрыла книгу.

На странице с починкой Эльды оставалось несколько жалких строк. Под ними я записала новый заказ, номер исходящего листа крепости, количество образцов и дату первого испытания. Цифры занимали почти всю ширину страницы. Внизу потребовалось провести черту и продолжить на следующей.

Я долго смотрела на написанное, проверяя, ничего ли не забыла. Затем подняла со стола старый плащ Конрада и повесила его на единственную крепкую стойку возле окна. Три красных стежка на воротнике потускнели, но держались. Когда-то я сделала их, чтобы на складе не перепутали несколько похожих вещей. Теперь они помогали мне вспомнить, сколько чужих жизней успело пройти через мою работу, пока я считала ее частью дома Сарнов.

В соседней комнате прачки стучали вальками. Где-то за двором заплакал ребенок. Пол под моими ногами все еще скрипел, и стол пришлось вновь подпереть обрезком кожи. Мастерская пока не выглядела надежным предприятием. Мне предстояло искать помощниц, заказывать нить, спорить с торговцами и не ошибиться с шестью днями, которые сама же назначила.

Я сняла мерки со старого плеча, записала их рядом с новой выкройкой и отправилась за Тамарой. Теперь мне было что предложить ей, кроме работы в долг и надежды на будущий договор.

Глава 3. Свободный ход

На следующий день после визита Конрада я обнаружила, что человеку, умеющему держать иглу, вовсе не обязательно уметь держать язык за зубами.

— Если вы еще раз скажете «это всего на полпальца», я принесу вам палец побольше, — заявила Тамара.

Она стояла по другую сторону стола и натягивала подкладку. Я пыталась убедить ее отпустить боковой шов: мне казалось, что после обработки горячей солью полотно сядет сильнее обычного.

— Не на полпальца, — сказала я. — На две линии по мерке.

— А линии по чьей мерке?

Я посмотрела на деревянную линейку. На ней были нанесены старые деления моего отца, чуть мельче нынешних цеховых. Я пользовалась ею с восемнадцати лет и никогда не замечала разницы, пока рядом не оказалась женщина, которая шила по другой.

— По моей, — признала я.

— Вот и договорились. А то я уже решила, что вы собираетесь построить отдельный цех для полупальцев.

Тамара вернула ткань на стол и разгладила ладонью. Низкий осенний свет, отраженный от известковой стены напротив, делал ее руки почти белыми. По углам ногтей виднелись темные полоски, которые не смывались, сколько ни мой. Я вынула из ящика вторую линейку, купленную накануне, и положила рядом. Разница в длине будущего припуска получалась почти с ширину ногтя. Этого хватило бы, чтобы при резком движении плеча потянуть защитную нить.

— Будем пользоваться цеховой, — решила я.

— Прекрасно. Теперь скажите, куда девать эти два лишних пальца ткани, которые вы мне велели оставить под рукой.

— Пока никуда. Они нам еще понадобятся.

— Прямо скажем, удобная у вас работа. Всегда можно объявить лишнее необходимым.

Я собиралась ответить, но в дверь постучали так, будто стучавший давно привык, что ему обязаны открывать с первого раза.

На пороге стоял невысокий плотный мужчина с седыми усами. Он держал под мышкой кожаную сумку, а в руках — туго перевязанный рулон серой шерсти. По куртке с нашивкой снабжения я узнала крепостного интенданта. Он назвался Гартом, не снимая шапки, оглядел голые стены и спросил, куда положить документы.

— На сухое место, — добавил он. — Я их вез двое суток, а ваши полы уже выглядят подозрительно.

— Полы у меня сухие, — ответила я. — Подозрительно выглядят ваши сапоги.

Тамара громко хмыкнула и ушла к печи. Гарт перевел на нее взгляд, потом на меня и впервые за весь визит улыбнулся.

— Командующий предупреждал, что придется торговаться.

— Из-за сапог?

— Из-за всего.

Он положил на стол подписанное подтверждение заказа и мешочек с деньгами за опытные образцы. Я пересчитала монеты при нем. На третьем десятке мне стало неудобно: прежде крупные платежи принимал управляющий Ардена, а я видела только цифру в итоговой книге.

Гарт терпеливо дождался конца.

— Все правильно? Тогда распишитесь на обороте. Для меня удобнее, когда люди проверяют деньги сразу. Потом начинаются письма, по которым невозможно понять, кто кому должен.

Я расписалась. Он раскрыл сумку, вынул грубые войлочные рукавицы и пару ремней с пришитыми кольцами.

— Это снаряжение с поста. Не новое. Если ваш плащ подходит только к чистому поясу, который никто не носит, я лучше узнаю об этом здесь, чем после первой стужи.

С рукавиц пахло лошадью и смолой. У одной была надорвана ладонь, у второй в пальцах застряли колючки. Я представила, с каким трудом человек в них должен нащупывать небольшую застежку.

— Почему не выдать дозорным исправные перчатки? — спросила я.

— Выдадим. К весне они будут такими же. А в карауле человек воспользуется тем, что на руках, не станет искать новые, чтобы порадовать портного.

Мне понравился этот ответ, хотя произнесен он был с явным намерением поставить меня на место. Гарт и вправду знал, для кого мы шьем.

Он уточнил, что командующий рассчитывает приехать на шестой день после оформления заказа. Я согласилась: к этому времени оба образца должны были быть готовы. Затем Гарт оставил мерки шести дозорных, образец ткани и перечень требований, составленный вместе с Конрадом. На последнем листе стояло несколько замечаний чужим, крупным почерком: «Застежка должна поддаваться одной рукой». «Не цеплять ремень ножа». «Не закрывать лицо при переноске раненого». У третьей строки кто-то нарисовал маленькую стрелку, показывающую, куда должен уходить капюшон.

— Стрелка чья? — спросила я.

— Командующего. Он увидел прошлогодний капюшон и велел мне надеть его задом наперед. Потом показывал, где я ничего не вижу.

— И вы надели?

— Я давно служу. Умею отличать приказ от просьбы.

Он забрал мои мерки столов, прошелся по мастерской, не притрагиваясь к вещам, и ушел с обещанием прислать повозку, если испытания потребуют перевозки манекена. За дверью еще долго слышно было, как он отчитывает возчика за плохо затянутую подпругу.

Тамара смотрела ему вслед.

— Хорошо, что не мы на его складе работаем.

— Почему?

— Он бы у вас каждую полушку пересчитал. И у меня тоже.

Я открыла мешочек с авансом и положила рядом книгу расходов.

— Уже пересчитал. Зато заплатил вовремя.

Мы принялись за застежки.

В первой конструкции я задумала узкий серебристый крючок, спрятанный под воротом. Он не цеплялся за ремни, красиво лежал на ткани и, по моим расчетам, позволял раскрыть плащ одним движением. Тамара сделала пробную петлю, я закрепила крючок и надела на руку войлочную рукавицу Гарта.

Крючок исчез между толстыми пальцами. Я попыталась зацепить его большим, затем указательным. Поймала петлю, дернула — и вместо того, чтобы расстегнуться, воротник собрался у меня под подбородком.

— Снимите рукавицу и попробуйте еще раз, — предложила Тамара.

— Без нее все работает.

— Вот именно.

Я сняла вещь с манекена, положила на стол и нарисовала другой крючок. Сделала его шире, с открытым язычком. У края вышел некрасивый выступ, похожий на маленькую лопатку. Тамара посмотрела на рисунок и сказала, что можно обтянуть металл тем же сукном.

— Обтяжка намокнет, — возразила я. — И будет скользить.

— Тогда оставьте металл. Дозорный не собирается показывать его на королевском приеме.

Она не упоминала ни Ардена, ни мое прошлое. Возможно, даже не знала, как у нас принимали работы. Но я почему-то услышала в словах укол и отложила карандаш сильнее, чем требовалось.

— Я хочу, чтобы вещь была не только надежной.

— А я хочу, чтобы человек ее расстегнул, пока у него не отнялись руки. Можно добиться и того и другого, только не этой петлей.

Через час мы нашли промежуточное решение: плоский выступ, который можно поддеть рукавицей, и отдельный короткий хлястик, не позволяющий застежке открыться случайно. Он выглядел проще первого варианта. Я рассматривала его, слегка сердясь на себя за потраченное время.

— Вы сделали лучше, — заметила Тамара.

— Сделали мы.

Она подняла на меня глаза.

— Запишите это себе. А то опять забудете к расчету.

К вечеру пятого дня оба опытных плаща были собраны. Один предназначался для примерок и движения, второй — для огневой пробы. На втором мы оставили дополнительные контрольные участки нити возле плеч и по нижней кромке. По ним можно было проверить натяжение до и после обработки.

Я работала с жарной нитью уже больше половины жизни, но всякий раз испытывала одно и то же странное чувство, когда замыкала последний участок. Пока нить лежала разрозненными стежками, она оставалась просто пропитанным солью волокном. Стоило соединить ее по всему контуру — и подушечками пальцев я ощущала упругое сопротивление, похожее на натянутую тонкую леску. Сила не светилась, не пела и не делала работу легче. Если ошибиться в повороте, она безжалостно стягивала ткань.

Первый плащ лег ровно. Второй повел левую пройму. Я сняла с него три ряда и вплела заново, пока Тамара у печи разогревала воду для обработки.

— Вы опять задержитесь допоздна, — сказала она, собирая ножницы.

— Хочу закончить до утра.

— Утро никуда не денется. А спина у вас одна.

Она ушла, и я осталась в желтом круге лампы. С улицы доносился стук колес, где-то в соседнем доме женщина звала сына ужинать. Мне вдруг захотелось, чтобы кто-нибудь так же просто окликнул меня из соседней комнаты. Не спрашивал, сколько стоит мой труд, и не предлагал вернуться домой. Просто позвал к столу.

Я отложила иглу, достала из свертка лепешку, оставленную госпожой Берт при последнем визите, и съела ее над книгой расходов. Потом вспомнила, что на следующий день должен приехать Конрад, и стала проверять, не осталось ли на полу обрезков нити.

Это было глупо. Ему предстояло смотреть на плащ, а не на мой пол. Я все равно подмела под столом и убрала с подоконника чашки.

Утром он появился точно в назначенное время.

Я услышала копыта и вышла к двери прежде, чем раздался стук. Конрад спешился, передал повод мальчишке из прачечной и повернулся ко мне с вопросом на лице. На нем был обычный темный камзол, без дорогой отделки. Волосы после дороги растрепались. Я заметила это раньше, чем успела поздороваться, и рассердилась на собственную наблюдательность.

— Ты, кажется, собиралась сделать две вещи, — сказал он, переступив порог. — А я вижу четыре.

На столе лежали оба плаща и два раскроенных воротника, которые мы не успели убрать.

— Остальные — доказательства того, что первая мысль редко бывает удачной.

— Хорошо бы тебе познакомить с этим правилом моих офицеров.

Конрад повесил дорожную куртку у печи, остановился возле нового крючка и поддел его пальцем.

— Гарт уже видел?

— Гарт видел первые рисунки. Этот вариант появился после его рукавиц.

— Он их оставил?

— Да. И предупредил, что вернется за ними вместе с отчетом.

— Не вернет — вычтет из жалованья.

— Тебе?

— Мне. За то, что не уследил.

Я протянула ему опытный плащ. Он взял его без осторожности, с какой придворные дамы касались моих вышивок, и надел, откинув капюшон. Ткань легла на плечи, но возле воротника образовалась небольшая складка. Конрад привычным движением поправил ее и застегнулся.

— Не трогай, — сказала я. — Мне нужно увидеть, где тянет.

Он опустил руки.

Я обошла его со спины. Даже в мастерской с высокими потолками он казался слишком большим для моего манекена. На живом человеке плечи двигались иначе, особенно когда человек привык носить оружие. Я коснулась ткани на правой лопатке, попросила его поднять руку и увидела, как едва заметно потянулась линия подмышки.

— Выше, пожалуйста.

Он поднял руку.

— Не так. Как если бы ты доставал нож за спиной.

— Нож у меня сбоку.

— Тогда достань его оттуда.

Конрад снял с пояса нож, но не вытаскивал из ножен: просто показал обычное движение, которым привык пользоваться. Ворот сместился, правый край плаща лег на запястье, а застежка задела ремень.

— Я предупреждал, что ремень будет мешать, — сказал он.

— Ты говорил о пряжке, а не о кольце для ножен.

— У каждого дозорного кольцо на своем месте. Иначе пришлось бы обвешать нас одинаковыми ремнями, а потом учить людей ходить заново.

— Это было бы очень удобно для швей.

Он повернул ко мне голову. Я стояла почти вплотную, держа ткань у его шеи, и от неожиданности замерла. Под воротом рубашки у него была кожа темнее, чем на лице, а возле ключицы белел тонкий старый шрам. От него пахло холодным воздухом и кожей снаряжения, а не дорогими духами, которыми обычно пользовались наши придворные знакомые.

— Что-то не так? — спросил он.

— Не двигайся. Я держу место, где нужно отпустить нить.

Он послушно замер, но на его лице появилось легкое недоумение. Я ощутила, как горячо мне стало под рабочим воротником, и заставила себя посмотреть на шов. Здесь действительно не хватало небольшого запаса. Я отметила участок мелом и отошла.

— Сейчас попробуем со щитом, — сказала я.

— У меня нет щита.

— Гарт прислал деревянный обруч. Он примерно такого же веса, если к нему привязать мешок с песком.

Конрад посмотрел на тяжелый обруч возле стены.

— Примерно?

— Если он тебе не нравится, можем отправить за настоящим щитом. Он приедет завтра, и мы потеряем день.

— Обруч вполне годится.

Он подхватил его левой рукой. Я поправила плащ, велела поднять обруч перед собой, потом опустить и наклониться к полу, будто он поднимает раненого. На последнем движении застежка открылась наполовину.

Конрад выпрямился и посмотрел на меня поверх края воротника.

— Это тоже так задумано?

— Разумеется. Чтобы раненый мог убедиться, что ты не собираешься прятать от него лицо.

Он не улыбнулся сразу, зато в глазах появилась та самая смешливая складка, которую я прежде замечала лишь мельком. Я сняла с него плащ и положила на стол.

— Застежку придется сместить ниже. И удлинить страховочный хлястик.

— На сколько?

— Пока не знаю.

— Вот это мне нравится больше, чем уверенное «на полпальца».

Я прищурилась.

— Тамара успела тебе пожаловаться?

— Нет. Но я слышал, как она встретила Гарта. Он рассказывал, что у вас тут завелась особая мера длины.

— Прекрасно. Через неделю вся граница будет знать о моих линейках.

— Если плащи окажутся удобными, пусть узнают. Главное, чтобы никто не пытался ими мерить мосты.

Я засмеялась, отвернувшись к столу. Давно я не смеялась так свободно рядом с человеком, который знал нас с Арденом обоих. Это чувство застало врасплох и сразу вызвало осторожность: мне хотелось удержать его, не придавая лишнего значения.

До полудня мы изменяли застежку и проверяли движения. Конрад не пытался руководить моей работой. Если что-то мешало, он говорил где; если я просила повторить, повторял. Один раз попросил перерыв, потому что старая травма на правом предплечье стала ныть после нескольких одинаковых движений. Я принесла холодную воду, он опустил в нее кисть и с явным облегчением вытянул пальцы.

— Ты не говорил, что рука так часто болит, — заметила я.

— Ты не спрашивала.

— Я думала, ожог давно зажил.

— Кожа — да. А сухожилия любят напоминать о себе, особенно когда я сто раз подряд изображаю дозорного с обручем.

— Тогда в следующий раз позовем другого человека.

— Зови. Только придется объяснять ему, почему ты примеряешь плащ именно на командирские плечи.

— Потому что иных подходящих плеч у меня сейчас нет.

По его взгляду я поняла, как двусмысленно прозвучали мои слова, и потянулась за чашкой, хотя пить не хотела.

— Я позову Гарта, — сказала я.

— У него плечи шире пониже. Понадобится новая выкройка.

— Конрад, не мешай мне хотя бы пять минут.

— Уже молчу.

Он и правда замолчал. Я сделала три новых отметки и начала переносить их на бумажный лекальный лист. Когда подняла голову, он стоял у окна и рассматривал маленькую стеклянную банку с обгоревшими кусочками нити. Держал осторожно, не вынимая образцы. Мне вдруг захотелось сказать ему, для чего храню каждый из этих неудачных кусочков; он сам спросил раньше, чем я решилась.

— Из последней партии?

— Нет. Из разных. Они помогают не забывать, как выглядит ошибка, когда ее не успели исправить.

Он поставил банку на место. Несколько секунд смотрел на нее, потом спросил:

— Сегодня сможем проверить сухой образец?

— Если успеем обработать поправленный ворот. Огневая проба назначена к вечеру. Но это только сухой образец, Конрад. После намокания и нагрузки его придется проверять отдельно. Один успешный удар ничего не скажет о том, как поведет себя нить на дозоре.

— Я не собираюсь подписывать всю партию после одного удара.

— На гвардейских складах иногда собираются.

Слова вырвались слишком легко. Я ожидала, что он защитит Ардена или хотя бы заметит неуместность сравнения. Конрад опустил глаза на список испытаний, который держал в руках.

— Тогда хорошо, что мы не на гвардейском складе, — ответил он.

Я продолжила работу, но из головы не выходило, как спокойно он это сказал. Между Арденом и Конрадом была дружба, которой я прежде не касалась. Они вместе ездили на войну, ссорились из-за назначения караулов, пропадали на целые ночи за картами и бутылками терпкого вина. Я привыкла, что мнение одного почти всегда подтверждает другой. Сегодня Конрад не спорил с моей оценкой и не просил ее смягчить.

К вечеру мы успели закончить. Тамара зашила последний разрез, я замкнула контур на опытном плаще, предназначенном для огня, и осмотрела всю нить. У крепостной повозки уже ждали два солдата, присланные Гартом. Мы погрузили деревянную испытательную фигуру и запасную ткань, закрыв их от возможного дождя брезентом.

Огневой двор находился за городскими мастерскими, в старом каменном карьере. Его построили задолго до меня, когда драконам запретили проводить испытания рядом с жилыми улицами. Высокие стены защищали от ветра, за ними стоял небольшой домик смотрителя, а по земле тянулись черные полосы от прежних проб. В углублении у дальней стены находился тяжелый каменный постамент. Туда ставили фигуру с образцом, чтобы никто случайно не оказался на пути огня.

Смотритель вышел нам навстречу в кожаном фартуке. Увидев Конрада, он выпрямился и хотел было вытянуться по стойке, но тот махнул рукой.

— Сегодня я не проверяющий. Приказ на испытание у госпожи Верес.

Я протянула бумагу с цеховой печатью. Смотритель прочел ее, коротко кивнул и показал на каменную стену, за которой можно было оставить вещи.

— Влажную пробу сегодня не проводим, — предупредил он. — Ручей после дождей мутный. Придется ждать, пока привезут чистую воду.

— Влажную мы и не назначали, — сказала я. — Мне нужно только сухое испытание после проверки контура.

— Тогда ставьте фигуру. И не жалейте крепеж: в прошлый раз она упала, а спорили потом, кто виноват.

Мы закрепили манекен кожаными ремнями. На нем висел второй, приготовленный для огня плащ. Я отогнула край подкладки, осмотрела контрольные участки и провела пальцами по закрытому контуру. Натяжение было ровным. Дважды проверила плечо, на котором прежде случались ошибки, и поставила короткую отметку мелом. После полного удара защита в этом плаще будет израсходована; повторно испытывать его можно будет только после восстановления.

Конрад снял камзол и оставил одежду в закрытой нише за стеной. Меня попросили отойти за защитный выступ. Я привыкла к превращениям драконов, но рабочие испытывающие обычно были людьми незнакомыми, и я не следила за ними. Здесь пришлось ждать вместе

с двумя солдатами, пока в карьере за стеной менялся звук дыхания, тяжело скребли по камню когти, ударяла о землю чешуя. Откуда-то поднялся сухой запах нагретого железа.

Когда смотритель разрешил выйти к наблюдательной площадке, темный дракон уже стоял посреди карьера. Он оказался крупнее, чем я представляла, но не настолько огромным, чтобы размеры превращали испытание в бессмыслицу. Тяжелая грудь покрывалась чешуей с бронзовым отливом, вдоль шеи тянулись короткие жесткие гребни. Левое крыло было чуть светлее правого. На месте знакомого лица теперь находилась широкая голова с темными глазами, которые внимательно следили за людьми возле стены.

Я знала, что передо мной Конрад, но ощущение все равно было непривычным. За столом он терпеливо позволял закалывать на себе ткань. Здесь каждый его поворот заставлял солдат держаться настороже.

— Командующий даст короткий огневой удар, — сказал смотритель. — Держитесь за линией. Госпожа мастер, от вас нужен знак готовности.

Я проверила, чтобы никто не стоял сбоку от фигуры, и подняла руку.

Дракон опустил голову. Между зубами на мгновение появился тусклый красный свет, и я услышала, как смотритель рядом втянул воздух. Потом на плащ лег плотный короткий поток пламени. Не огромный огненный столб, который любят рисовать придворные художники, а направленный жар, достаточно сильный, чтобы обуглить обычную шерсть за несколько мгновений.

Ткань дернулась. По контуру прошла темная волна, и запахло горелой солью. Я смотрела не на дракона, а на нижний край подкладки. Если плетение сомкнулось правильно, внутренняя ткань должна была остаться целой. Если нет — первым покажется дым у соединения под рукой.

Пламя оборвалось по знаку смотрителя. Еще несколько мгновений никто не подходил к фигуре. Деревянные крепления потрескивали, воздух над камнем дрожал. Когда жар спал, мы осмотрели плащ.

Наружная шерсть потемнела и местами опалилась. Жарная нить на испытанном участке стала ломкой, как и должна была после такого удара. Но внутренняя ткань сохранилась. Я просунула под нее контрольную пластинку: на ней не было следов перегрева.

— Сухую пробу выдержал, — сказал смотритель и сделал отметку в журнале.

Я почувствовала, что все это время крепко сжимала карандаш. Разжала пальцы, размяла кисть и еще раз посмотрела на плечо. Там, где мы оставили запас для движения, подкладка была чистой.

— Запишите отдельно, что это был неподвижный образец, — попросила я. — Следующий должен пройти намокание и нагрузку. До этого партия не утверждена.

— Я пишу то, что было, — отозвался смотритель. — Сегодня сухо, фигура не бегала.

Мне неожиданно понравилась его грубоватая точность.

Конрад вернулся из-за каменной стены уже в человеческом облике, с мокрыми от пота волосами и застегнутым наспех камзолом. Солдат подал ему воду. Он выпил половину кружки и подошел ко мне.

— Что скажешь?

— Для сухой пробы хорошо. Но на плечах пока оставлю тот же рисунок: новый крючок не должен менять натяжение нити. Завтра дам тебе отчет.

Он посмотрел на плащ, который уже снимали с фигуры.

— Удобно, что ты умеешь говорить «хорошо» без продолжения «можно отгружать».

— Если я скажу «можно отгружать» после одного опыта, Гарт выгонит меня со склада раньше, чем расплатится.

— Вряд ли. Он сначала потребует квитанцию.

Я засмеялась. На площадке было шумно: солдаты разбирали крепления, смотритель ругался на плохо закрытый ящик, в проходе скрипели колеса повозки. Конрад стоял совсем

близко, и мне вдруг захотелось коснуться его руки, просто чтобы проверить, насколько она горячая после превращения. Я не сделала этого. Вместо того спросила, не устал ли он.

— Немного. Сегодня с утра было два перехода, — ответил он. — Сначала из крепости, теперь сюда. К ночи надо возвращаться.

— Ты мог прислать другого дракона.

— Мог. Но хотел сам увидеть пробу.

— Настолько не доверяешь моим расчетам?

— Настолько доверяю своей шкуре. Ей потом придется отвечать за людей, которые наденут эти плащи.

Это было сказано без всякого желания задеть меня. Я почувствовала знакомое уважение к человеку, который понимает цену неудачного шва. И еще кое-что, чему не хотела пока давать название.

Мы вернулись в город уже в сумерках. Конрад предложил заехать в мастерскую и помочь снять вещи с повозки, но я отказалась: солдаты справлялись, ему предстояла дорога до крепости. Он не настаивал. У ворот он взял у меня лист с предварительными результатами, сложил его вдвое и спрятал в сумку.

— Следующую примерку назначишь сама, — сказал он. — Я могу приехать через три дня. Если нужно позже, передай Гарту.

— Через три дня успею исправить плечо.

— Тогда до встречи, Лидия.

Он произнес мое имя спокойно. Я ответила, что пришлю чертеж застежки, и только когда он уехал, заметила, что все еще держу в руке карандаш, который он дал мне утром.

На следующий день я занималась отчетом, когда в дверь вошел Арден.

Не постучал — просто открыл, как привык делать в мою рабочую комнату дома. Я подняла голову, ожидая увидеть заказчика, и на мгновение растерялась. Он выглядел безупречно: темный сюртук, гладкие перчатки, волосы уложены так, как всегда перед деловой встречей. В прежней мастерской он приходил ко мне именно таким после переговоров с арсеналом. Я успела вспомнить, как снимала с его плеча случайную нитку, прежде чем вспомнила все остальное.

— Лида, — сказал Арден. — Надеюсь, не помешал.

Я положила перо поперек тетради.

— Если речь о передаче вещей, поверенный согласует время.

— Я не за вещами.

Он осмотрел помещение. На узких столах лежали лекала, у печи стояли ведра с водой, в углу сушился первый исправленный воротник. Ни одна вещь не могла скрыть бедности обстановки.

— Здесь холодно, — заметил он.

— Печь еще не растоплена. Днем работать можно и так.

— А ночью?

— Ночью я стараюсь спать.

Он вздохнул, будто я нарочно усложняла разговор.

— Я пришел не спорить. Вчера мне сообщили, что ты проводила огневое испытание с Конрадом. Для крепости, насколько понимаю.

— Да.

— Хороший заказ?

— Для начала — да.

Арден опустил взгляд на мою новую книгу. Я закрыла ее. Он заметил это и едва заметно поднял брови.

— Не думал, что однажды ты станешь прятать от меня счета.

— Это счета моей мастерской.

— Я не собирался их забирать.

Он прошел вдоль стола, остановился у стойки со старым плащом Конрада и коснулся края рукава.

— Надо же. Он все еще носит эту вещь. Помню, как ты тогда ругалась из-за горловины.

— Она и теперь нуждается в исправлении.

— Ты всегда найдешь, что поправить.

Раньше в этих словах я слышала снисходительное восхищение. Теперь — усталость, с которой он относился ко всему, что я считала важным.

— Чего ты хочешь, Арден?

Он повернулся ко мне.

— Предложить тебе нормальные условия работы. Я поговорил с управляющим. В старой мастерской можно выделить тебе отдельное помещение, нанять людей, восстановить привычный порядок. Клеймо будет твоим, я уже согласовал его с писарями. И тебе не понадобится платить за эти... — Он сдержал жест, которым собирался показать на стены. — За неудобства.

Это было почти все, о чем я просила его раньше. Отдельное помещение, признание имени, достаточное число работников. Некоторое время я молчала, представляя знакомые широкие столы, теплые комнаты и склад с запасами хорошей шерсти. Одна часть меня без стыда хотела вернуться туда хотя бы на час, взять нужный инструмент и не думать, достаточно ли денег останется до конца месяца.

— На чье имя будут заключаться договоры? — спросила я.

Арден чуть нахмурился.

— На дом Сарнов, разумеется. Так устроены наши поставки. Я подпишу дополнение, что ты ведешь плетение.

— А цену буду назначать я?

— Мы будем согласовывать ее, как прежде.

— Как прежде ты называл цену заказчику и сообщал мне, когда партия уже обещана?

— Потому что у тебя не было времени на переговоры. Лида, сейчас мы говорим не о прошлом.

— Именно о нем. Ты предлагаешь вернуть все, что было, только поставить мое клеймо рядом с твоей печатью.

Он оперся ладонью на стол.

— Ты ведь сама видишь, как трудно тебе здесь. Не нужно доказывать, что справишься без помощи, ценой собственного здоровья.

Я посмотрела на его руку. На безымянном пальце было кольцо, которое мы выбирали вместе. В мастерской моего отца оно когда-то выглядело слишком дорогим и блестящим. Сейчас кольцо лежало на моей рабочей столешнице так естественно, будто Арден по-прежнему мог решать, что мне делать завтра.

— Я не отказываюсь от помощи вообще, — ответила я. — Я уже наняла Тамару. Гарт оплатил образцы. У меня есть цеховое свидетельство и заказ, по которому я отвечаю сама. Да, я ошибаюсь. И мне придется учиться.

— Ты всегда умела делать плащи. Не понимаю, зачем устраивать себе испытание с покупателями и счетами.

— Потому что ты больше не будешь решать, какие из моих расчетов стоит показывать и сколько мне за них положено.

Он выпрямился. Я увидела, как тяжело дался ему следующий вопрос.

— Это из-за Конрада?

Сначала я даже не поняла, о чем он спрашивает.

— Он заказчик. Мы работаем над образцами.

— Он мог прислать интенданта. Но приехал сам, и я слышу об этом от людей, которые видели вас в огневом дворе.

— Там был смотритель, два солдата и повозка с манекеном. Если тебя тревожит моя репутация, можешь спросить любого.

— Я говорю не о репутации.

Арден остановился, стиснув зубы, и удержал готовую резкость. Несколько секунд мы стояли молча. За дверью скрипели колеса прачечной телеги. Мне хотелось, чтобы Арден ушел до возвращения Тамары. Не потому, что я стыдилась его, а потому, что не могла вынести еще одного разговора о моей жизни в присутствии людей, которым потом придется со мной работать.

— Я принес бумаги, — сказал он наконец и положил на стол сложенный лист. — Если передумаешь, управляющий подготовит помещение. Никто не станет спрашивать о нашем разводе. Мы можем общаться как деловые люди.

— Я не буду подписывать договор, где решения снова принимаются без меня.

Он пристально посмотрел на меня.

— Прочти хотя бы прежде, чем отказываться.

— Прочту. И отвечу через поверенного, если там есть что обсуждать.

Это было справедливо, и он не нашел возражения. Я проводила его до двери. Арден задержался на пороге, оглянулся на печь и сказал уже без прежней уверенности:

— Купи дров. Ты всегда мерзнешь, когда долго сидишь над работой.

Я хотела ответить, что на дрова у меня хватит. Вместо этого кивнула.

Когда он ушел, я долго смотрела на бумагу, но разворачивать ее не стала. Отложила к другим документам и принялась заново считать расход шерсти на зимний образец. Через полчаса оказалось, что я дважды записала одну и ту же катушку. Пришлось зачеркнуть целую строку.

К вечеру пришла Тамара. Она заметила мой испорченный расчет, спросила, что случилось, и, получив ответ «ничего», не стала допытываться. Вместо этого принесла из корзины яблоко и положила возле моего локтя.

— Я сегодня видела вашу раму в лавке, — сказала она. — Торговец обещал держать до конца месяца. Потом у него какой-то судовой мастер хочет ее забрать.

— Пока нечем платить.

— Значит, будет повод заработать.

Мы занялись воротником. Тамара шила, я прокладывала новый участок нити и по привычке собиралась сделать все быстрее, чем следовало. Она заметила это и без слов подвинула мне лампу ближе. Через некоторое время работа выровнялась, и я смогла дышать спокойно.

Перед уходом она спросила, когда приедет командующий.

— Через три дня, — ответила я.

— Тогда успеем. Он человек терпеливый. Другой давно бы стал подгонять.

— Он умеет ждать, когда нужно получить хорошую вещь.

— А еще он, по-моему, умеет слушать, когда ему объясняют.

Я не ответила. Тамара собрала ножницы и ушла, оставив дверь чуть приоткрытой, чтобы от печи выходил сырой воздух.

Позднее я поднялась наверх, поставила воду греться и достала из сундука чистую ленту для волос. Старая испачкалась мелом и солью, ее давно следовало выстирать. Я намочила ее, повесила сушиться возле окна, затем попыталась уложить волосы так, чтобы пряди не падали на лицо во время примерки. Два раза завязала узел и распустила.

Только с третьей попытки поймала себя на мысли, что перебираю ленты, хотя Конрад приедет лишь через три дня.

Я опустила руки. В маленьком зеркале на стене отразилась женщина с растрепавшейся прической и следом мела на щеке. Смешная, уставшая, слишком внимательная к приезду человека, которого знала много лет и прежде почти не замечала.

Я вытерла щеку и все-таки оставила чистую ленту на столе.

Глава 4. Вторая тарелка

К приезду Конрада я успела трижды переставить стол, один раз поссориться с Тамарой и окончательно испортить ленту для волос.

Стол приходилось двигать из-за света. К полудню солнце уходило за крышу прачечной, и разглядеть мелкие отметки на темной шерсти становилось трудно. Тамара предлагала поставить его поперек комнаты, но тогда длинный край плаща перекрывал проход к печи. Я доказывала, что и прежнее место вполне годится, пока сама не задела бедром угол и не опрокинула коробку с крючками.

— Теперь их хотя бы видно, — сказала Тамара, глядя на рассыпавшийся по полу металл.

Я опустилась на колени и принялась собирать крючки. Один укатился под шкаф, где с прошлого хозяина лежали обрезки просмоленной веревки. Пока доставала его, испачкала рукав и выдернула из прически ленту. Ту самую, которую вечером старательно выстирала и прогладила. На белой ткани теперь отпечатался ржавый угол шкафной петли.

— Вы собирались ее надеть? — спросила Тамара.

— Собиралась. До знакомства с мебелью.

— Повяжите другую. Или вовсе заколите волосы. Командующий, я думаю, различает работу мастера и состояние ее прически.

— Надеюсь, что различает.

Я произнесла это слишком быстро. Тамара посмотрела на меня поверх очков, но благоразумно не продолжила разговор. За несколько недель мы научились замечать границу, за которой добрый совет превращался в назойливость. Она никогда не расспрашивала о моем разводе. Я не спрашивала, куда она уходит так торопливо по четвергам и почему каждый второй заработанный серебряник заворачивает в отдельный узелок. Нам хватало чужих дел, которые необходимо было делать вместе.

Когда в дверь постучали, я все еще стояла возле шкафа с последним крючком в руке. Сердце дернулось так глупо, что я невольно взглянула на Тамару. Она подняла палец, испачканный мелом.

— Если это командующий, скажите ему, что застежку я закончила. И пусть на сей раз держит руки там, где вы велите, иначе мы опять будем менять пройму.

Но пришел мальчик из прачечной. Он принес счет за горячую воду, два тонких листа с выведенными на них размерами и записку от Гарта: после примерки опытный плащ следовало отправить в крепость для проверки в сыром состоянии. В конверте лежали также предложения по положению ремней. Гарт нарисовал их грубо, зато точно, с указанием того, какие предметы дозорные чаще снимают на ходу.

Я разложила рисунки на столе. На втором листе была подпись Конрада, короткая отметка напротив плеча и вопрос: «Можно ли вынести застежку влево, не меняя основной контур?» Почерк я уже узнавала.

— Передай, что ответ будет завтра, — сказала я мальчику. — И попроси госпожу из прачечной не сливать воду в бочку с голубой меткой. Я в ней промываю соль.

— Она знает, — ответил он с достоинством. — Вчера сама отогнала от нее кошку.

— У кошки были какие-то дела с бочкой?

— Она любит смотреть в воду.

Мальчик ушел, а я еще немного постояла с запиской в руках. Конрад мог просто потребовать изменить застежку. Вместо этого спрашивал, отразится ли перемена на защите. За годы работы мне довелось слышать десятки распоряжений от офицеров, уверенных, что достаточно приказать — и ткань станет податливее, а нить прочнее. Этот вопрос был признаком опыта и хорошего воспитания. Так я себе объясняла, почему прочла его дважды.

Испытанный сухим огнем плащ к этому дню я уже восстановила: распустила все участки с израсходованной нитью, вплела новую и замкнула защитный контур. Теперь оба образца были годны для дальнейших опытов, хотя примерочный все еще требовал подгонки на живом человеке.

Вскоре появился сам Конрад. В этот раз без лошади у двери: с ним приехал молодой солдат и отвел коня на соседний двор, где хозяйка прачечной разрешала оставить животных за небольшую плату. Конрад вошел, пригнувшись под притолокой, стряхнул с плеч мелкие капли дождя и поздоровался с Тамарой так же внимательно, как со мной.

— Я привез перчатки другого размера, — сказал он вместо обычного вопроса о работе. — Гарт решил, что сначала мы испытывали застежку на слишком больших.

Он положил на стол две пары. Одна выглядела так, будто ее недавно вынули из пасти большого пса.

— А эту зачем?

— Для правдоподобия.

Тамара взяла поврежденную рукавицу за край, рассмотрела шов между пальцами и неодобрительно покачала головой.

— Такое только выбрасывать.

— Выбросим после испытания, — согласился Конрад. — Сейчас именно такими пользуются некоторые мои люди.

— Вы им разрешаете?

— Я им запрещаю. А потом они идут в дозор и надевают то, что успели высушить возле печи.

Тамара фыркнула. Конрад посмотрел на переставленный стол, на кучу крючков в коробке, на бумажные выкройки под кирпичом, который заменял пресс, и спросил:

— Здесь удобнее работать?

— Если не ходить к печи, — ответила я.

— Значит, к следующему приезду ты опять его передвинешь.

— Я уже научилась это делать. Тяжелый край поднимается, если сначала снять верхнюю доску.

Он не стал предлагать помощь с мебелью. Я почему-то оценила и это.

Мы начали с застежки. Конрад надел легкий опытный плащ, обвел ремень вокруг талии и, не глядя, попытался открыть ворот левой рукой. На этот раз плоский язычок поддался сразу. Он повторил движение в рукавице, потом с деревянным обручем на предплечье. Ткань скользнула назад, освободив плечо.

— Лучше, — сказал он.

— Намного. Но я хочу увидеть, что будет, если ты упадешь на колено.

— Упасть или опуститься?

— Пока опуститься. Пол у меня не заслужил настоящего падения.

Он сделал, как я просила. Я обошла его, придерживая подол, и увидела, как нижний край лег на ремень. После поворота корпусом застежка не открылась. Зато у левого плеча появилась длинная косая складка.

— Вот, — сказала я. — Не двигайся.

Я подняла ткань у его шеи и нащупала под подкладкой жесткий участок. Это было не повреждение нити: вся защита оставалась непрерывной, но новый крой натягивал ее сильнее при повороте влево. На сухом манекене этот недостаток нельзя было увидеть. Я отметила место мелом, провела линию вниз к пройме и попросила Конрада подняться.

— Сколько придется распарывать? — спросил он.

— Немного. Подкладку у плеча и два коротких шва. Саму нить трогать не стану, пока не проверю запас.

— Ты говоришь «немного» с видом человека, которому предстоит провести за этим весь вечер.

— Ты говоришь «весь вечер» с видом человека, который никогда не держал плащ на узком столе.

Он улыбнулся, но спорить не стал. Помог снять вещь, осторожно освободил застежку и повесил ремень на спинку стула. Тамара принесла нам второй образец, над которым еще оставалось поработать, и молча указала на край плаща, который в очередной раз свисал со стола прямо в ведро.

— У вас здесь порядок, — заметил Конрад.

— Главное, что вода чистая, — сказала она.

Я убрала ведро. Конрад на минуту вышел во двор поговорить с солдатом, а мы с Тамарой расправили подкладку и открыли отмеченный участок. Под ним лежала правильно выполненная нить, натянутая чуть сильнее, чем я рассчитывала. Если отпустить ее без изменения направления, складка исчезнет, но при намокании нагрузка перейдет к горловине. Следовало изменить форму самой вставки.

— Я перекрою левую половину, — сказала Тамара. — Вы потом пройдете нить, если потребуется.

— Вторая половина останется прежней. Получится перекос.

— Не получится, если поднять точку соединения на две линии. Посмотрите.

Она положила на ткань линейку, ту самую цеховую, которую заставила меня признать, и показала новое направление. Я повторила его на бумажном лекале, проверила по меркам Конрада и согласилась.

— Тогда разрезай.

Тамара взяла ножницы. Я смотрела, как она уверенно идет вдоль отмеченной линии, и с трудом удержалась, чтобы не остановить ее на середине. Моя работа начиналась там, где кончался ее шов; нужно было научиться оставлять чужим рукам то, что они умели делать.

К полудню погода окончательно испортилась. Дождь забарабанил по водосточной трубе, из двора потянуло сыростью. Конрад вернулся, вытер мокрые волосы ладонью и отставил сапог от печи, чтобы не намочить сложенную рядом шерсть. Тамара ушла за горячей водой, а я показала ему новый раскрой.

— Вот здесь ткань пойдет свободнее, — сказала я. — Застежка останется на прежнем месте. Если захочешь вынести ее влево, придется перенести и этот участок защиты.

— Не хочу. Это была мысль Гарта, не приказ.

— А почему он хочет?

— На восточном обходе люди несут сигнальный рожок слева. У одного застежка постоянно цепляется за ремень.

— Это можно решить другим креплением рожка.

— Можно. Так и напиши. Пусть снабжение не заставляет всю крепость переодеваться ради одного ремня.

Я прикусила губу, чтобы не улыбнуться. С Арденом я годами спорила о том, что узор не должен исправлять любые ошибки в снаряжении. Конрад понял замечание с первого раза. Это не означало, что мы всегда будем соглашаться; сегодня утром он уже дважды заставил меня перекроить то, что я считала удачным. Но с ним спор не требовал предварительно доказывать свое право на участие.

— Ты часто ездишь из Серого Брода в Равель? — спросила я, записывая решение для Гарта.

— Реже, чем хотелось бы столичному командованию. И чаще, чем нравится моему заместителю.

— Почему заместителю?

— Потому что в мое отсутствие он отвечает за крепость. А когда возвращаюсь, ему приходится еще и пересказывать, что делал эти два дня.

— Может, он не хочет тебя видеть?

— Вполне возможно. У него жена в Сером Броде, двое детей и маленький сад. По-моему, он единственный из нас понимает, зачем вообще люди строят дома.

Я взглянула на Конрада. Он говорил о чужой семье без зависти, но с той спокойной внимательностью, которую я прежде замечала у него, когда он слушал рассказы Ардена о наших обычных обедах. Тогда мне казалось, что он просто вежлив.

— А ты? — спросила я. — Тебе дома не хочется?

Он чуть замедлил движение, которым убирал карандаш в карман.

— У меня есть комнаты в крепости. На зиму ставлю вторую жаровню. Если честно, для одного человека это вполне достаточно.

— Я не про размер комнаты.

Конрад посмотрел на меня. В мастерской стало слышно, как за стеной хлюпает вода в прачечных чанах.

— Знаю, — сказал он. — Просто не придумал ответа получше.

Я наклонилась к лекалу, пока он не успел заметить, что вопрос смутил и меня. Все эти годы Конрад приезжал с дороги, ужинал у нас и уезжал, не оставляя в доме ничего своего. Мне ни разу не пришло в голову спросить, что он делает, когда возвращается туда, где его никто не ждет.

После обеда в мастерскую зашла Эльда, торговка травами, у которой мы чинили плащ. Она принесла обещанные две вещи из обоза и записку со сроком следующего выезда. На этот раз я не стала называть цену по первому взгляду. Разложила обе вещи, показала, где наружный шов скрывает старое повреждение, и предупредила, что полный расчет дам после осмотра подкладки.

— В прошлый раз вы управились быстро, — заметила Эльда.

— В прошлый раз я ошиблась со временем. Больше так не хочу.

Эльда посмотрела на Конрада, который отошел к окну, чтобы не мешать нашему разговору.

— Должно быть, хороший мастер может позволить себе такие признания.

— А плохой вынужден, когда заказчик возвращает вещь, — ответила я.

Мы договорились о дне осмотра и обязательной предварительной цене до начала ремонта. Эльда оставила плащи, проверила запись в моей книге и ушла довольная. Я закрыла чернильницу и вдруг обнаружила, что Конрад смотрит на меня с тихим одобрением.

— Что? — спросила я.

— Ничего. Хорошо ты с ней договорилась.

— Я недавно научилась. До этого почти подарила ей целый день работы.

— Она не выглядит человеком, который откажется от подарка.

— И правильно сделает. Я бы на ее месте тоже не отказалась.

Он рассмеялся, не слишком громко. Мне нравилось, что Конрад смеется редко, но без осторожности, если ему и правда весело. В доме Ардена за столом он часто казался молчаливее всех. Теперь я постепенно узнавала, каким бывает его лицо, когда он ни за кем не наблюдает и никого не оценивает.

Работа затянулась до сумерек. Сначала Тамара обнаружила, что новая подкладка у правого плеча, которую мы оставили для сравнения, дает меньший запас при движении. Мы решили сохранить ее только на опытном образце и провести отдельную проверку после намокания. Потом нужно было составить точные инструкции для крепости: в каком порядке сушить плащи, сколько раз сгибать плечо перед проверкой, где осматривать контрольную нить. Конрад настоял, чтобы я написала их без цеховых сокращений.

— Мои люди прочитают «обратный ход через верхнюю петлю» и решат, что это про упряжь, — сказал он.

— А что они делают с упряжью, когда не понимают инструкцию?

— Спрашивают конюха.

— В таком случае пусть спрашивают меня.

— В двух днях пути от крепости? Я хочу, чтобы они обходились без тебя в обычных случаях, а при повреждении отправляли вещь мастеру. Напиши проще.

Пришлось признать его правоту. Я зачеркнула половину страницы, взяла чистую и вывела: «Если нить на внутреннем крае ворота потемнела или крошится, плащ не выдавать. Самостоятельно не зашивать». Ниже указала, как высушить шерсть без открытого пламени и кому сообщать о сомнительном участке. Конрад прочел и кивнул.

— Теперь Гарт сможет повесить это в караульной.

Тамара тем временем закончила шитье и стала собираться домой. Дождь стих, но на окне еще держались длинные капли. Она завернула свои ножницы в ткань, поставила мне на стол счет за сегодняшнюю работу и сказала, что завтра придет к полудню: утром ей нужно было зайти к родственнице.

— С образцами закончите без меня, — добавила она. — Только не начинайте новый шов на ночь. В прошлый раз вы перепутали две катушки и потом до утра ругались.

— Я ругалась не из-за катушек.

— Тогда мне остается пожалеть катушки.

Конрад прижал губы, скрывая улыбку. Я сделала вид, что не заметила, и проводила Тамару до двери.

Когда она ушла, мастерская стала другой. Здесь по-прежнему лежали лекала и списки, пахло шерстью и сырой солью. Но теперь было слышно, как Конрад складывает страницы, как касается краем сапога ножки стола, как дышит возле окна. Я остановилась у печи, собираясь налить воды, и ощутила робость, совершенно не подходившую женщине, которая еще час назад командовала этим же мужчиной во время примерки.

— Ты сегодня вернешься в крепость? — спросила я.

— Нет. Завтра утром у меня встреча в арсенале. Возьму комнату в доме пограничной службы, за западными воротами. Гарту нужно получить несколько документов.

Теперь стало понятно, почему он не спешил, хотя рабочий день давно закончился.

— Тогда поешь со мной, — предложила я. — Я собиралась разогреть овощную похлебку. Тамара утром принесла хлеб, и его слишком много для одной.

Конрад посмотрел на часы у двери. Маленькие стрелки застыли с тех пор, как я купила их у мебельщика. Они отставали почти на час, но я так и не собралась отнести их в починку.

— Если не помешаю, — сказал он.

— Ты уже помешал мне переставить стол обратно. После ужина можешь помочь удержать доску.

— Вот теперь приглашение звучит убедительно.

Я поднялась наверх за чистой скатертью. На лестнице меня внезапно охватила такая неловкость, что захотелось остаться там до утра. Мне тридцать шесть, я пятнадцать лет была замужем, сама зарабатываю и не боюсь спорить с командующим пограничной крепостью. Но стоило пригласить его к своему столу без рабочего повода, как я забыла, куда положила полотенца.

В комнате наверху было прохладно. Умывшись, я сняла ленту, которую все-таки повязала утром вместо испачканной, расчесала волосы и вновь убрала их, на этот раз без особых стараний. Чистая блуза нашлась под шалью в сундуке. Я надела ее, затем подумала, что Конрад пришел ко мне по работе и ничего не должен угадывать по смене одежды. Осталась в блузе и спустилась с полотенцами.

Он успел убрать со стола лекала, не меняя их порядка. Все листы лежали стопкой у края, тяжелая линейка прижимала верхний. Карандаш находился там, где я его оставила. Зато воду в печи Конрад уже поставил греться.

— Надеюсь, это не требует особой квалификации, — сказал он, когда я вошла.

— Только не клади дрова слишком близко к заслонке. Иначе нагреется сушильная ниша.

Он проверил расстояние и отодвинул полено концом кочерги. Я достала из холодной кладовой кастрюльку с похлебкой, поставила на плиту и нарезала хлеб. Нож у меня был тупой; пришлось давить на корку сильнее, чем хотелось. Конрад молча протянул свой, дорожный, со светлой костяной рукояткой. Я приняла его, отрезала две ровные ломти и вернула.

— У тебя с собой всегда есть все необходимое? — спросила я.

— Только то, что часто забывают другие.

— Например, ножи и карандаши?

— И запасные застежки. После знакомства с твоей мастерской добавлю в список ножки для столов.

На кухонной полке нашлись две глубокие тарелки, одна — со сколом у края. Я поставила ее себе, Конраду — целую. Он заметил, поменял тарелки местами, и я хотела возразить. Потом передумала. Не все в мире требовало поправки.

За окном темнело. Вода после дождя капала с крыши на пустую бочку с ровным металлическим звуком. Конрад ел похлебку без нарочитых похвал, но до последней ложки. Я смотрела на его руки, на то, как он держит хлеб, и постепенно успокаивалась. С ним можно было сидеть за столом и не подыскивать тему, которая покажется достаточно занимательной. Мы поговорили о прачечной, о Гартовом заместителе, который когда-то перепутал накладные на соль и муку, и о старой рабочей раме у торговца инструментами.

— Она еще там? — спросил Конрад.

— Вчера стояла. Если судовой мастер не заберет к концу месяца, у меня появится возможность накопить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.